

Дарья Калинина

ЗАГС на КУРЬИХ НОЖКАХ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иронический детектив (Эксмо)

Дарья Калинина

ЗАГС на курьих ножках

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

ЗАГС на курьих ножках / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2017 — (Иронический детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-699-95828-3

Где порядочной девушке сегодня искать мужа? Ясное дело, в лесу. Лучше всего в сказочном. Катя на собственном опыте убедилась, что именно там отсиживаются самые достойные претенденты на поход в ЗАГС. Внимание, девушки: когда будете выбирать волшебный лес, берите такой, где зарыты пара-тройка кладов – после ЗАГСа очень пригодится. Кате как раз достался подходящий лесок, с принцем и сокровищами, но как же обидно, что к жениху и кладам теперь обязательно дают в нагрузку Бабу Ягу, кикимору и следователей из уголовного отдела...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95828-3

© Калинина Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Александровна Калинина

ЗАГС на курьих ножках

© Калинина Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

С тех пор как в этом мире появился первый человек, разумных обитателей в нем меньше не становится. Совсем наоборот, их с каждым днем все больше и больше. Каждый со своим характером, мыслями и чувствами. А от этих мыслей и чувств поступки и дела всякие случаются. Как же без поступков-то? Никак.

Разные люди на одно и то же событие реагируют по-разному. Но что нас всех объединяет – с каждым днем мы откликаемся на наши проблемы все более эмоционально. В последнее время в атмосфере от этих постоянно сталкивающихся эмоций стало как-то тесновато. И даже, скажем прямо, душновато.

Об этом и думала Катя, глядя на экран телевизора. Сейчас там в жаркой схватке сошлись двое политических оппонентов. Катя такие дебаты любила. Они напоминали ей бои без правил, где каждый готов на все, лишь бы завалить соперника и торжествовать победу.

Раньше она предпочитала бокс. Хорошо! Красивые мужики дерутся друг с другом, лупят изо всех сил – азарт, адреналин, да что там, даже что-то эротическое было в этом зрелище. Смотришь и представляешь, на что такой боксер способен дома, особенно в постели. Иногда и себя на месте этой счастливицы вообразишь – прямо мурашки бегут. Но довольно быстро Катюше надоело созерцать голые мужские торсы. Все-таки в боксе все как-то слишком примитивно. Чего-то определенно не хватало ей в этом виде спорта. Теперь после каждого следующего поединка у нее было ощущение, будто бы ее обманули. В чем обманули – Катя сказать не могла. Но решила переключиться на интеллектуальную борьбу – на политические дебаты.

Надо сказать, выступавшие политики ее пока ни разу не разочаровали. Лупили друг друга они на совесть, не жалея сил. Эротического накала в этих драках было, конечно, поменьше, чем на настоящем ринге. Зато здесь сходились люди умные. А то, что они говорили, даже можно было при случае попытаться повторить.

– Давай, врежь ему, врежь! – лежа перед телевизором, подзуживала Катя своего любимчика – лысого кареглазого дядечку, упругого и круглого, как мячик.

Его так и хотелось похлопать по голове – вдруг запрыгает?

Круглый дядечка в телевизоре как будто услышал Катю. Злобно сверкнул глазами на депутата от другой партии, чтобы тот сразу понял, какого он о нем мнения. Не удовольствовавшись этим, кареглазый схватил со столика в студии стакан и с боевым уханьем плеснул водой в лицо соперника. Несколько капель попало на ведущего, тот начал возмущенно отряхиваться. Добавил даже, что такое поведение недопустимо.

Катя же захохотала и в полном восторге захлопала в ладоши:

– Так их! Так!

Она ожидала, что ее фаворит сейчас отмочит еще что-нибудь занятное. Никаких сомнений: он свою фанатку точно не разочаровал. Он уже и рот открыл и кулак занес, но в этот момент Катю отвлек телефонный звонок. Косясь одним глазом на экран, где оба политика вот-вот должны были сойтись в рукопашной, чего никак нельзя было пропустить, Катя все же подняла трубку.

– Алло!

В трубке молчали.

– Алло, – повторила Катя.

Молчание стало каким-то тягостным. Дальше послышался то ли вздох, то ли стон, после чего трубку повесили.

– Вот ведь люди! – возмутилась Катя. Дебаты завели ее не на шутку, и накопившаяся энергия требовала выхода. – Сами звонят, а потом трубки бросают.

Она снова подседа к телевизору, но, увы, боевой настрой куда-то улетучился. Странный звонок лишил Катюшку душевного равновесия.

Сказали бы, чего хотели. Зачем было звонить?

В этот момент снова раздался звонок. На этот раз звонил сотовый. Отлично, теперь тот, кто посягнул на ее душевное спокойствие, уже не спрячется, на сотовом все номера видны. Номер действительно высветился, правда, незнакомый.

– Екатерина Маликова? – спросил официальный голос.

– Д-да, это я.

Почему-то Катюшка даже заикаться начала, так этот голос ее напугал. Интуиция у нее была развита хорошо, и теперь Катюшка чувствовала: звонок этот не к добру. О том же говорили бешено застучавшее сердце и неприятный холодок, обнаружившийся в области желудка.

– С вами говорит следователь Евдокимов. Гражданин Владимир Почтарев является вашим гражданским мужем?

Катюшка изумилась еще больше. Вован по кличке Почтарь был ей, разумеется, человеком не чужим. Но могла ли она назвать его своим мужем, пусть гражданским? Катюшка в этом, прямо скажем, сомневалась. В последний раз она видела Вована несколько месяцев назад, и тогдашний его визит особой радости ей не доставил. Появился Почтарь среди ночи, пьяным, а уходя сломал замок на двери. Пообещал починить на следующий день, но до сих пор свое обещание не выполнил. Замок чинила Катюшка, точнее, слесарь из жилконторы.

И все же было что-то такое волнующее в этих словах следователя, отчего сердце Катюшки забилося сильнее. Жена! Когда-то ей очень хотелось стать женой Вована. Очень-очень. Она думала, что это желание давно прошло, а вот надо же – стоило незнакомому человеку произнести заветное слово, как она уже тяжело дышит и готова подтвердить что угодно.

– Является, – проблеяла она. – Да.

– Что же вы, гражданка Маликова, позволяете своему мужу чуть ли не нагишом по улицам разгуливать? – осуждающе произнес голос в трубке. – Между прочим, не май.

На улице на самом деле был не май. Говоря начистоту, там был октябрь. И погода к прогулкам без верхней одежды не располагала. Уже который день над городом висели свинцовые тучи, из которых то сыпал мелкий дождик, то припускал настоящий ливень.

– Я не позволяю, – почему-то принялась оправдываться Катюшка. – Он сам ушел. Понимаете, мы с ним поссорились, и он ушел.

Это была почти правда. Почти, потому что ушел от нее Почтарь, как и было сказано, несколько месяцев назад. Тогда на самом деле был май, даже почти июнь. Во всяком случае, погоду с нынешней не сравнить. Неужели с тех пор Вован так и не прибил к какому-нибудь жилищу? При одной мысли о том, что не последний для нее человек бегаёт по холодным улицам практически нагишом, Катюшка неожиданно расчувствовалась. Бедный Вован, что с ним случилось? Что за беда?

– Значит, проживаете вы на улице Есенина?

Следователь назвал точный Катюшкин адрес.

– Да. Проживаю.

– Находитесь в данный момент дома?

– Ага.

– Ждите. В течение часа подвезем.

– Что подвезете?

– Не что, а кого, – укоризненно произнес следователь. – Мужа вашего подвезем.

И повесил трубку. А Катюшка так и осталась стоять, сжимая в руках сотовый. На экране продолжались дебаты, но до того ли ей сейчас, когда голова кругом! Когда слова следователя дошли до Катюшки, ее даже в пот бросило. Да не хочет она, чтобы к ней привозили Почтаря!

Не нужен он ей! Только-только избавилась от боли, которая терзала ее сколько лет, и все по новой? Нет уж, спасибо. Не надо ей такого.

Катя даже попробовала перезвонить следователю, но тот не отвечал. И Почтарь, собака такая, не отвечал. Напрасно она набирала его номер, чтобы сказать твердым голосом: «Не смей ко мне являться». Очень неприятный час провела Катька, поглядывая в окошко и ожидая, что вот сейчас раздастся звонок в дверь, после чего ей официально вручат Почтаря в качестве гражданского мужа. И придется брать – с законом ведь не поспоришь.

– А я этого не хочу, – шептала Катюша самой себе. – Совсем не хочу.

А в глубине души подрагивала струнка. И понятно было, что все не так. Что ей не хватает этих отношений. Остроты и яркости не хватает, вот. Да, ее жизнь без Почтаря спокойна, но еще и очень скучна. А стоит появиться Вовану – и скучать точно не придется.

Но прошел час, прошел второй, за ним и третий, а в дверь никто так и не позвонил. Ни одна машина под окнами не остановилась. А на часах между тем уже час ночи.

Вряд ли они его привезут. Наверное, свободной машины нет. Или еще что-нибудь натворил, вот и решили его у себя подержать.

Пришлось Катюше лечь спать и оставить волнения до следующего утра.

Но утро не принесло никаких новостей. Из квартиры она выходила с опаской – ожидала увидеть на коврике за дверью скрючившегося Почтаря. Если честно, случилось ему уже проводить ночь на половичке у Катькиной квартиры. Но сейчас за дверью никого не было.

Шлепая по лужам, Катька пыталась понять, что это было прошлой ночью. Насколько она знала Почтаря, такая шутка вполне в его вкусе. Разбудить среди ночи человека, потрепать ему нервы – Почтарю все это казалось чрезвычайно смешным.

Тридцать лет человеку, а хулиган хулиганом. Как мальчишка.

Словом, все ясно. Не было никакой полиции. Это Вован так развлекается.

Катька чувствовала себя глупо. Надо же было ей согласиться и признать Вована своим мужем! Теперь он возомнит о себе невесть что. Будет считать, что у нее к нему еще остались какие-то чувства, а ведь это ложь. Совершенная ложь! Катька так отчаянно на этом настаивала, потому что понимала, что ее чувства к Вовану еще совсем не остыли. Где-то там, под слоем обид, еще теплится крохотный огонек. Но раздувать его Катька ни в коем случае не хотела. Из искры обязательно возгорится пламя и в который раз превратит Катькину душу в пепелище.

Думать о работе. Думать о чем угодно, только не о Воване.

И, конечно, она весь день думала о нем. А как иначе? Стоит же человеку сказать себе: «Не думай об обезьяне» – и, пожалуйста, она тут как тут. Сидит, рожи корчит, гримасничает, зубы скалит, с сородичами разными непотребными делами занимается. Гадость какая!

Вот Вован тоже гадость. А не думать о нем не получается.

Так что как ни ругала себя Катька, выбросить его из мыслей не могла. И еще одна беда: эта внутренняя борьба отнимала у нее все ее силы. И так-то на работе Катька бывала рассеянной и невнимательной, но сегодня и вовсе побила собственный рекорд. Она перепутала читательские билеты, долго не могла найти нужную книгу для одного из постоянных читателей, задела стеллаж, с которого с грохотом посыпались книги, так что это, в конце концов, заметила даже Лидия Петровна – Катькина начальница и гроза всего их маленького коллектива.

– Что с тобой, Катюша? Нездоровится?

Голос у Лидии Петровны был сладким, как патока. Но Катька задрожала. Такой голос не сулил ничего хорошего. Вот если бы Лидия Петровна говорила сухо и строго – тогда еще ничего, еще можно было бы пережить. Но все знали: стоит Лидии заговорить ласково с кем-то из подчиненных – пиши пропало, слопают беднягу с потрохами.

Перепуганная Катя попыталась вызвать в директрисе жалость:

– У меня голова болит.

– Ах, голова!.. А что это, Катюшенька, у тебя то голова болит, то спина, то ноги. Может, ты у нас инвалид?

Катька молчала. Она видела, что начальницу понесло, и теперь оставалось надеяться, что Лидия Петровна скоро успокоится. Но не тут-то было. Катька уже давно была бельмом на глазу директорши, так что сегодня та решила оторваться по полной и припомнить все ее грехи. Словом, когда Катюша выходила с работы, ей больше всего хотелось покончить с собой. Таким ничтожеством она себя давно не чувствовала.

Начальница прошла и по ее внешнему виду («неряха и за фигурой совсем не следишь»), и по характеру («лентяйка и бездарь»), и даже насчет умственных способностей Катьки высказалась. Просканировала она, видите ли, Катькин мозг и поставила диагноз: умственная неполноценность. Ни больше ни меньше.

В общем, если верить словам директрисы, лучше бы Катьке на свет не появляться вовсе. А если уж появилась, надо забиться в дальний угол и сидеть смиренно, не отвлекая людей, во всех отношениях более достойных.

Медленно бредя по улицам, Катька размышляла, действительно ли она настолько безнадежна. Конечно, особых достижений у нее в жизни пока нет. Разве что институт окончила. Но кому он нужен, этот ее гуманитарный вуз? С таким дипломом карьеру не сделаешь. Замужем ей побывать не случилось, хотя сама уже не девочка. Да, романы случались, но все какие-то несерьезные.

Катя и сама не заметила, как остановилась напротив витрины. В стекле отражалась роскошная молодая женщина с пышной грудью и длинными русыми волосами, стянутыми в узел. Да, имеется легкая полнота. И в одежде есть некоторая небрежность, здесь не поспоришь. Но ни то ни другое никак не назовешь критическим. Да что там, Катя просто красавица. Хотя сама она ничего такого особенного в своем отражении не нашла. В мыслях она все еще продолжала воображаемый диалог с директрисой, и поэтому Катя не замечала собственной красоты. С витрины на нее смотрела какая-то жалкая неудачница.

– Привет.

Катя вздрогнула.

– Как дела?

Кажется, она вздрогнула еще раз. Рядом с ее отражением в витрине нарисовалась мужская фигура. Неужели Вован? Катя протерла глаза и оторвалась наконец от стекла.

– Откуда ты взялся?

– Тебя ждал, с работы хотел встретить. Между прочим, почти два часа здесь околачиваюсь. Ты чего так задержалась?

– Так я работаю до восьми.

– Не знал, что ты такая трудоголичка. И давно это с тобой? Что-то раньше за тобой такого не водилось.

Вован явно пытался пошутить, но Катьке сегодня было не до смеха. Она чувствовала себя раздавленной, так что меньше всего ей сейчас хотелось слушать шуточки бывшего ухажера. Видно, тот понял, что юмор его сегодня не к месту, потому что сразу посерьезнел и перешел к делу:

– Я тут чего к тебе пришел... Не могла бы ты стать моей женой?

Катька оторопела. Ну и денек сегодня! Почтарь что, делает ей предложение? По-настоящему?

– Официальной женой. – Он как будто услышал ее незаданный вопрос.

Неужели это тот самый Вован, который столько лет твердил, что регистрация в ЗАГСе – это не для него?

– А, очередной твой дурацкий розыгрыш.

– Нет, я серьезно, – покачал головой Вован. – Выходи за меня замуж.

Теперь Катька по-настоящему удивилась. Не похоже, чтобы Почтарь шутил. Но где, скажите на милость, кольцо? И цветы? Катя даже за спину жениха умудрилась заглянуть – нет ни букета, ни кольца. Да и выглядел Почтарь как-то не так, как положено выглядеть человеку в такой момент. Щетина на щеках делала его похожим на забулдыгу. Одежда измята, на джинсах пятна, ботинки сто лет не чищены. Нет, не то чтобы Катька была какой-то особо привередливой. Но все же этот романтичный миг рисовался ей как-то иначе.

– Ну что, согласна? Да? Нет?

Вовану явно приспичило.

– Я... я не знаю.

– Что тут не знать! – почти завопил Почтарь. – Такой шанс тебе больше никогда в жизни не выпадет!

– Какой шанс?

Слово за слово, оказалось, что Почтарю светит срок. Небольшой, но вполне реальный уголовный срок. Спасти может только официальная женитьба.

– Адвокат сказал, что у меня все шансы получить условный срок. Отсутствие судимости – раз. Характеристика с места работы – два. Еще бы жену, лучше сразу с детишками, тогда вообще полный порядок. У тебя, я знаю, детей нет. Но это ничего. У мамы есть знакомый гинеколог, она состряпает нам справку, что ты беременна.

До Катьки начало доходить.

– Так свадьба тебе нужна, чтобы избежать тюрьмы?

– Какая свадьба? – заволновался Почтарь. – Нет, свадьбу мы играть не будем. Зачем? Только лишние расходы.

– А белое платье?

– Вот это вообще бред сивой кобылы. Никогда не понимал, зачем бабам это нужно. Деньги на ветер.

Понемногу Катьке становилось смешно. Казалось бы, еще час назад все было так плохо, что хуже некуда. А сейчас вот выяснилось, что может быть и хуже. Оказывается, жениться на ней можно только по приговору суда, иначе никак.

Пряча улыбку и уже догадываясь, каким будет ей ответ, она спросила:

– А как же свадебное путешествие?

– Можно к маме съездить в Пупышево, хочешь?

В Пупышеве, садоводческом поселке, где обитала чуть ли не четверть города, Катька была всего однажды. Скажем прямо, в восторг она от этой поездки не пришла. Участок маленький, дом-скворечник. Да еще дорогая будущая свекровь встретила неласково и работой заваляла. Сперва заставила Катьку перестилать все постели в доме, потом навалила на стол гору кабачков и велела все перечистить. А когда Катька присела немножко отдохнуть, вручила ей ведра и велела натаскать воды для бани. И дров еще нарубить.

На все Катькины попытки объяснить, что дрова – это уж точно мужская забота, свекровь отвечала категорически: «Вову не трогай, он устал на работе, должен отдохнуть». С тех пор при одном упоминании о Пупышеве с Катькой случалась нервная почесуха. Все тело начинало чесаться.

Но Вован об этом явно забыл.

– Так что? – Он, кажется, решил, что Катька онемела от подвалившего ей счастья. – Договорились? Сначала в ЗАГС, а потом в Пупышево. Здорово я придумал?

– Не очень.

– Почему?

– Знаешь, не хочу я за тебя замуж.

Почтарь онемел. Он явно не ожидал такого поворота.

Даже уточнить решил:

– Точно?

– Ага.

– А почему?

– Не хочу, и все.

Вован прищурился:

– Выделяешься?

– Думай что хочешь.

– Мечтаешь, что я тебя умолять буду?

Глаза у Вована сделались совсем черными и очень злыми.

– Ну и дура! – процедил он. – Такой шанс упустила! Я же тебе по доброте душевной первой предложение сделал. Думаешь, у меня других таких мало? Любая побежит, только свистни. Но я именно тебя благодетельствовать хотел!

Благодетель нашелся. Катьке стало одновременно и смешно, и гадко, и немножко стыдно. И с этим человеком она провела почти три года? Мечтала о замужестве? Об общих детях? Где были ее глаза? А мозг? Мозг где был? У Кати даже мелькнула опасная мысль: а что, если Лидия Петровна не так уж неправа? Вдруг она случайно попала в точку, когда поставила ей диагноз идиотизм? Врачи не заметили, а Лидия Петровна заметила.

– Ладно, Вова, мне пора.

– Учти, Катюха, пожалеешь потом!

– Я жалею только об одном, – отрезала Катька с удивившим ее саму спокойствием. – Жалею, что вообще когда-то с тобой познакомилась.

На этом и расстались. Катька быстро двинулась прочь. А Вован вообще растворился, словно его и не было. Когда Катька оглянулась, чтобы еще кое-что прибавить к сказанному, того уже и видно не было. Как сквозь землю провалился.

– Что за чудеса? – пробормотала Катюха. – Куда это он исчез?

Она еще поискала в толпе своего неслучившегося жениха, но так и не нашла и побрела дальше. Впрочем, неожиданности этого дня на этом не закончились.

У подъезда она увидела еще одну знакомую фигуру. Вовка – Катюхин брат.

Вообще-то братьев у нее было несколько. Двоюродный, троюродный, даже сводный имелся. Одним словом, все, кроме Вовки, были не родными, но от этого ничуть не менее любимыми.

Вовка же был единокровным Катиним братом – сыном Катюшиного отца. Но мама Катюши умерла, сам Вовка тоже давно осиротел, а их общий папочка завел себе третью семью, в которой теперь подрастало двое детей.

С теми братьями Катька почти не общалась: мачеха почему-то нервно реагировала, когда в ее доме появлялись дети мужа от прежних браков. А отец из-за своих взрослых и, как он считал, самостоятельных детей не хотел портить отношения с молодой женой.

При виде брата Катюша обрадовалась.

– Вовка, ты что здесь делаешь?

– Тебя жду.

Она забеспокоилась.

– Случилось что-то?

– С чего ты взяла? Просто решил тебя встретить. – На лице у нее, наверное, было написано недоумение, потому что Вовка тут же спросил: – А что, брат уже не может просто так приехать к сестре? Обязательно повод нужен?

Катька устыдилась. Вовка тем временем взял у нее сумки с продуктами. Затариться по дороге домой она, само собой, не забыла. Пусть Вован и исчез из ее жизни, но, как говорится, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Нет, но зачем Вовка-то приехал среди недели? Была бы еще пятница или выходные, тогда понятно: он бы выпил, Катька бы закусила, и открыли бы они друг перед другом свои истрадавшиеся души, поработали бы немножко психотерапевтами друг для дружки. Так они обычно и поступали. А сегодня что?

– Может, в магазин зайдём?

– Зачем?

– Выпить купим.

– Ты же не пьешь, – буркнул Вовка.

– Для тебя.

– Я не буду.

Вот это было совсем странно.

– А ужинать? – робко спросила она у брата.

– Поестъ поем.

Ужин Катька приготовила быстро. Возиться у плиты – это было не для нее. Крутить фарш, а потом начинять им перцы или кабачки, жарить котлеты или морочиться с отбивными – увольте. Катька предпочитала покупать полуфабрикаты. Вот и сегодня она запаслась коробками с готовыми мантами, лазаньей, зразами и прочим ассортиментом быстрого приготовления.

Вовка ее кулинарных пристрастий не разделял.

Но сегодня он почему-то на нее не ворчал. Молча поставил на плиту кастрюлю с водой и убрал продукты в морозилку – оставил на столе пачкупельменей. Не говоря ни слова, уселся за стол. Катька привела себя в порядок, умылась, переоделась, а Вовка все молчал. Пельмени сварились, Катюша накрыла на стол. В конце концов эта игра в молчанку стала тяготить Катьку. Попытки втянуть Вовку в беседу успехом не увенчались. Брат отмалчивался или отвечал односложно. Даже на беспронимательную тему о ситуации на Ближнем Востоке не откликнулся.

Странно, раньше это всегда срабатывало. Как любой юноша призывного возраста, Вовка всегда живо интересовался положением дел в горячих точках.

– Ты чего молчишь-то все?

– Настроение такое.

Съел пельмени и ушел, так и не объяснив, зачем приходил. Неужели действительно чтобы на нее посмотреть? Так ведь виделись на прошлой неделе. У Вовки день рождения был, тогда и виделись. Зачем же было снова к ней приезжать?

Почему-то этот неожиданный визит заронил в Катькино сердце тревогу. Было у нее такое ощущение, как будто надвигается что-то непоправимое. Ощущение оказалось настолько неприятным, что Катька постаралась его заесть оставшимися в кастрюльке пельменями. И то ли пельменей было слишком много, то ли еще что-то, но спала Катька этой ночью худо. Мучила сухость во рту, пришлось вставать и бродить по квартире, словно сомнамбула. Один раз ей даже показалось, что в темном углу возле двери притаилась мужская фигура. Катька чуть не завопила от ужаса. Включила свет и обнаружила, что нет никого, одни пальто и плащи на вешалке.

Но страх еще долго не отпускал. В постели, накрывшись одеялом с головой, она пообещала себе не высовывать нос до самого солнышка.

Глава 2

Только ничего из этих планов не вышло. Следующее утро началось для Катьки непривычно рано. Будильник показывал всего семь, когда в дверь позвонили. Никаких гостей она не ждала, поэтому с трудом продрала глаза. Кто, интересно, может ее тревожить в такой час? Может, ошибка? Сейчас сообразят, что не туда, и уйдут.

Но в дверь позвонили снова. Звонок был таким назойливым, словно звонивший точно знал, что Катька дома и должна ему открыть.

– Кто там?

Сначала за дверью молчали. Она уже хотела вернуться в кровать, но тут раздалось:

– Открывай, соня-засоня!

Катька вздрогнула. Да, этот голос ей определенно знаком. И это ласковое прозвище соня-засоня! Так ее называл один человек во всем мире.

– Дядя! – завопила Катька и распахнула дверь, даже не поглядев в глазок. – Ты приехал! В гости!

В дверях и правда стоял дядя Паша – брат ее мамы. Жил он в Таллине, получал небольшую пенсию и в последние годы откровенно скучал. А чтобы разогнать скуку, время от времени наезжал в гости к племяннице.

Катя помнила дядю с раннего детства. Всегда он был человеком с огоньком, с выдумкой. Конечно, она была рада его видеть. Вот только...

– Дядя, почему ты мне не сказал, что собираешься приехать?

– А я сам не знал. Просто вдруг потянуло – сел в машину и поехал. Не волнуйся, гостинцы успел купить. Рада?

Катька кивнула. Дядя, как всегда, привез разные вкусности. Знаменитые эстонские сыр и масло, соленую рыбу и шоколад, который Катька обожала. Не дожидаясь завтрака, она немедленно впилась зубами в плитку шоколада и даже, кажется, замычала от удовольствия. Шоколад был именно такой, как она любила: хрустящий, в меру горький – объедение.

– На работу ты сегодня не пойдешь, – заявил дядя.

Катюша после вчерашнего совсем туда и не рвалась. Но нельзя же было не спросить:

– Как это?

– Скажешь, что заболела.

– А больничный где я возьму?

– Я тебе его организую.

– Как?

– Забыла, кто у меня в закадычных друзьях ходит? Правильно, Зочка, для тебя Зоя Ивановна. А она, чтоб ты знала, не так давно стала заведующей вашей районной поликлиники. Не знала? Так знай! Она тебе не только больничный, даже инвалидность сделает, если я попрошу. Хочешь?

Катька остановилась на больничном. Мысль отдохнуть несколько дней от работы на самом деле казалась заманчивой. Видеть Лидию Петровну после вчерашней выволочки совсем не хотелось. Все решилось легко, как всегда у дяди Паши, Катьке даже не пришлось никуда идти. Зоя Ивановна сама забежала к ним, взяла посылочку из Эстонии и оставила на столе голубую простынку – больничный лист.

Когда с формальностями было покончено, дядя Паша заявил:

– А теперь нам пора повеселиться. Собирайся, племяшка, одевайся потеплее. И термос с горячим кофе захвати. Мы с тобой отправляемся в дальнейшее путешествие.

– Куда?

– Увидишь.

Вид у дяди Паши был таинственный. Как ни расспрашивала его Катюша, дядя держался стойко:

– Приедем, тогда сама все поймешь.

Из города они двинулись на северо-восток и довольно быстро миновали поворот на красивейший древнерусский Тихвин. Катя, конечно, попыталась уговорить дядю свернуть в этот чудесный город, в буквальном смысле возродившийся, когда в середине 1990-х сюда торжественно вернулась икона Богородицы. С ее прибытием с погибавшимся провинциальным Тихвином случилось настоящее чудо. Из мрачного захолустья он довольно быстро превратился в современный, комфортный для жизни город, хоть и не потерял, понятно, своего провинциального обаяния.

Кто-то скажет, что сюда всего-навсего потянулись простаки-паломники, а вместе с ними потекли денежки, так что никакого чуда в этом нет, а есть расчет и доверчивость некоторых слоев населения. Но к пустому колодцу за водой не ходят. Если люди едут в такие места, значит, знают, за чем едут. Если едут поклониться святыне, значит, получают от нее большее, чем сумма, которую потратили на поездку.

– Заедем! – азартно воскликнула Катюшка.

Но дядя был человеком советской закалки, а следовательно, атеистом.

– Вот еще, – отмахнулся он, – на глупости время тратить!

Катюшка пригорюнилась. Ей как раз казалось очень своевременным перед дальней дорогой попросить о заступничестве Богородицу. Но с дядей не поспоришь, особенно когда он за рулем.

В окне мелькали деревья, столбы, проносились деревеньки, и постепенно Катюшка перестала думать о дядином отказе заехать в Тихвин. Не то чтобы она была такой уж верующей, но... Иногда накатывала потребность во что бы то ни стало пойти в храм и помолиться. Да, молитва ее была проста и безыскусна, но выходила Катюшка из храма успокоенная, с уверенностью, что теперь-то все святыне в курсе ее проблем, а стало быть, если что, обязательно подстрахуют и самого худшего точно не допустят.

– Что тебе эти церкви? – неожиданно спросил дядя. – Я вот не люблю бывать в таких местах.

Оказывается, он тоже все это время думал о Тихвине.

– Любишься лучше природой.

И Катюшка стала смотреть на многочисленные речки, ручейки и речушки, бывшие, кажется, главной достопримечательностью этих мест. Что еще ей оставалось делать? Когда в окне мелькнул очередной указатель, она не выдержала:

– Куда мы все-таки едем? Надеюсь, не в Вологду?

Вологда была пока самым дальним пунктом, о котором сообщали указатели. Спросила о ней Катя, конечно, в шутку. И очень удивилась, когда услышала в ответ:

– Именно туда мы и направляемся.

– Зачем?

Дядя не ответил. Молчал всю дорогу, пока они не въехали на территорию Вологодской области. Катюшка, кстати, невольно обратила внимание, что, несмотря на скромный быт, всюду были приветливые лица. И на улицах удивительно чисто: нигде ни бумажки, ни бутылки, ни даже крышечки.

Катя с дядей остановились у небольшого придорожного кафе. Встретили их как долгожданных гостей. Накормили вкуснейшими щами, а на второе дали по огромной котлете с гречневой кашей и грибами.

– А компот?

Не успел дядя пошутить, как появился графин с чудесным компотом, в котором плавали дольки осенней антоновки. Катюшка пила сок, тоже яблочный, и думала, что дома из одного стакана такого сока вышел бы литр, настолько здешний сок был концентрированным.

После обеда дядя заметно подобрел, и Катька рискнула снова поинтересоваться:

– Так зачем мы все-таки сюда приехали?

На этот раз он наконец ответил:

– Твой дед был родом из этих мест.

– Разве?

– Ты об этом, конечно, не знала.

– Я всегда считала, что дедушка был родом из Галича.

– Это мой отчим, – после паузы произнес дядя. – Он нас с твоей матерью выкормил, вырастил и, как говорится, поставил на ноги. Понятно, что ты его считаешь дедом. Мы с твоей мамой тоже Ивана Васильевича всегда звали папой. Родного отца мы и не помнили.

Удивлению Катьки не было предела. В эту семейную тайну ее до сих пор почему-то никто не посвятил.

– А куда же он делся? Я имею в виду твоего настоящего отца. Где он?

– Посадили его. Уже после войны, в пятьдесят третьем арестовали. Под самый Новый год – так бабушка рассказывала – беда случилась. У всей страны праздник, а у нас дома горе. Даже не знаю, веришь ли, по какой статье. А в те времена, сама понимаешь, что означало оказаться в тюрьме. Спокойно могли отца расстрелять. Но сколько мы в перестройку ни запрашивали архивы, ничего о нем так и не нашли. Совсем ничего. Даже не смогли узнать, какой срок ему дали и где отец его отбывал.

– погоди, дядя, я что-то не пойму. А куда же он, этот ваш с мамой отец родной, потом делся? Ладно, арестовали, дали срок. Но ведь должен он был, в конце концов, выйти на волю.

– Вот не известно.

– Как это?

– Такие времена были, Катюша, что человек мог в лагере сгинуть, и следа не оставалось. Правду нам узнать так и не удалось. Хотя мне и маме твоей и бабушке этого ой как хотелось.

Катькиному изумлению не было предела. Да что там, если бы она была градусником, давно бы уже лопнула. Семейные новости казались настолько невероятными, что Катька даже стала подумывать, не шутит ли с ней дядя. Вообще-то он был человек веселый, мог и пошутить.

Ничего себе шуточки – остановила саму себя Катька. Отмахать шесть часов на машине, чтобы повеселить племянницу, а потом еще столько же, чтобы добраться до Вологодской области? Ради шуточки двенадцать часов за рулем? Нет, такого просто не может быть. И тема уж больно деликатная. Кто шутит смертью родителей?

– Вроде был человек, а вроде и нет, – продолжал свое дядя. – Даже папка с личным делом его не сохранилась. Ничего мы с матерью не сумели разузнать. Ни по какой статье его арестовали, ни на какой срок. Ни-че-го.

– Бабушка мне об этом не рассказывала.

– Она и нам с твоей матерью ничего о нашем настоящем отце не говорила.

– Почему?

– Боялась. Мы же с твоей мамой маленькие совсем были, ничего не понимали. Маме твоей пять лет было, мне три. Могли и вовсе пропасть. Но судьба бабушку твою пожалела, хорошего человека ей послала – отчима нашего Ивана Васильевича. Он нас потом уже и воспитывал вместо отца.

– А он знал правду?

– Наверное, мама ему рассказала о своем первом муже. Хотя что она могла рассказать? Сама толком ничего не знала. Это уже в перестройку, когда проклятая советская власть была на последнем издыхании, стало возможным выяснить правду о судьбе близких. Тогда мне мама и призналась, что нас растил отчим, а родной отец наш Мельников Антон Степанович был арестован и, вероятно, расстрелян. Или как-то иначе погиб.

– Конечно, если бы не погиб, разыскал бы жену и детей.

– Всякое могло быть, – уклончиво ответил дядя. – А знаешь, твоя мама к поискам осталась равнодушна. Пару раз спросила, но когда узнала, что ни к чему наша затея не привела, как-то быстро успокоилась. Она всегда была очень привязана к отчиму. А мне вот правда о моем родном отце покоя не дает. Засело, понимаешь, в голове, что я должен родного отца найти. Обязан о роде своем узнать!

– Да ведь ваш отец уже мертв!

– А если не его самого, так хотя бы родню. Понимаешь? В общем, не мог я смириться, что ничегошеньки о своем отце не знаю. И еще показалось странным, что о нем в архивах КГБ ничего не было. А бабушка, кстати, считала, что его посадили за госизмену.

– А фамилию следователя, который вел его дело, бабушка знала?

– Нет. По ее словам выходило, что мужа арестовали у подъезда дома. Был обычный день, ничто не предвещало беды. Она, как обычно, помахала ему из окна и вдруг увидела, что рядом с мужем остановилась большая черная машина и из нее вышли двое. Один показал отцу красную книжечку, второй заломил ему руки. Отец даже не сопротивлялся – покорно сел в машину, и бабушка его больше никогда не видела.

– Но она пыталась выяснить, что произошло?

– В этот же день ближе к вечеру ей позвонил мужчина, который представился следователем. Он объяснил, что муж ее арестован по подозрению в госизмене. И посоветовал о нем забыть.

– Неужели бабушка послушалась?

– Она пыталась наводить справки. Бегала по следственным изоляторам, но всюду на запросы получала отказ. Такой человек нигде не значился.

– Ничего не понимаю. Разве такое могло быть?

– Если предположить, что отца сразу отправили в другой город, например в Петрозаводск, то, наверное, могло. Хотя странно, что информация об аресте не сохранилась. Но говорю же тебе, что мы в перестройку, когда об этом стали говорить открыто, ездили в центральный архив КГБ в Москву. И там тоже ничего не обнаружилось. Не было Мельникова Антона Степановича среди когда-либо задержанных ими граждан. Других Мельниковых – сколько угодно, а Антона Степановича нет.

– Это очень странно, – сказала Катя. – Понимаю, конечно, что КГБ всегда старался замести следы своих злодейств. Неудивительно, что они сразу не сказали бабушке правду. Но потом, когда архивы уже были открыты?.. Тогда многие узнали правду о своих репрессированных родных. Почему же у вас не получилось?

– Все, что я знаю, я узнал от своей мамы. С отцом она познакомилась в Ленинграде уже после войны. Мама в войну потеряла родителей и осталась одна в комнате коммунальной квартиры у Витебского вокзала. Там молодая пара и поселилась.

– А кем был мой дед? Где работал?

На самом деле Катю больше интересовало, что это за измена, в которой его обвиняли, но она не осмелилась спросить об этом прямо.

Но дядя и на простой вопрос о работе отца не смог ответить внятно:

– Мама говорила, что он часто уезжал в командировки. Отлучался раз в два-три месяца на несколько дней, потом возвращался, и у них снова появлялись деньги.

– Да, командировки – это понятно. Но куда он ездил? По каким делам?

К сожалению, этого дядя не знал. Зато знал кое-что другое.

– Твой дедушка родился недалеко от этих мест. И мы с тобой сейчас туда и направляемся.

– В Вологду?

Катя хотела спросить, кто их там ждет и у кого они остановятся, но дядя добавил:

– Отец жил в деревне, называется она Олеховщина. По результатам переписи две тысячи тринадцатого года в ней было три постоянных жителя.

– Трое?

Всего три человека! Какая-то жуткая дыра, не иначе.

Но дядя думал совсем иначе.

– Целых три человека! – радовался он. – Подумай только: трое! И любой мог знать моего отца – твоего деда.

– А если эти трое приехали в Олеховщину недавно? Если они о моем деду и слыхом не слыхивали, тогда что?

– Пойдем в сельсовет. У них должен быть архив.

– Но зачем? – недоумевала Катька. – Дядя, зачем тебе все это понадобилось?

– Хочу найти дом, в котором жили наши предки. Желая на склоне лет обрести родовое гнездо. А если все сложится, и тебе, племяшка, передать. – И дядя лукаво подмигнул Катьке. – Небось не откажешься от наследства-то, а?

Наследство – это дом в деревне Олеховщина? Который за столько лет без присмотра развалился и прогнил насквозь?

– Домик в деревне, – мечтал дядя вслух. – Что может быть лучше? Скажи, племяшка?

Но Катька что-то не торопилась восторгаться. Жить в деревне, где кроме нее будут еще трое неизвестных граждан? Даже если это нормальные люди, все равно звучит тоскливо. А если предположить, что это какие-нибудь криминальные личности? Да что там предполагать, наверняка криминальные. От закона прячутся. Законопослушный человек в такую даль забираться не станет. И вообще, о чем они сейчас говорят? Дома никакого нет. Все давно пропало!

– Дядя, но твое предложение – это же полный бред!

Дядя обиделся.

– Так, значит, ты отзываешься о доме наших предков? Честное слово, племянница, я был о тебе лучшего мнения.

– Какой дом, дядя? – завопила Катька в полном отчаянии. Обидно, когда тебя вытаскивают из уютного города, заставляют переносить все дорожные неудобства, и все ради чего? Дяде, видите ли, вздумалось полюбоваться развалинами, которые когда-то могли быть домом его папочки.

– Дядя, опомнись! Приди в себя! Если твой отец познакомился с бабушкой в конце сороковых и больше в свою Олеховщину не возвращался, значит, этот дом от подпола до чердака давно съели мыши!

– А кто тебе сказал, что он туда не возвращался?

Голос дяди прозвучал так загадочно, что Катька умолкла на полуслове.

– Думаешь, его не расстреляли?

– Толкую тебе: подтверждения, что он расстрелян, мы не нашли.

– И ты подозреваешь, что дед сумел сбежать и спрятался у себя в доме? Но ведь там его должны были искать прежде всего.

– Дома и стены помогают. А места там глухие. Вот смотри, я на карте все отметил.

Дядя извлек из кармана самую обычную бумажную карту, на которой черной точкой был обозначен островок на местности.

– Это и есть Олеховщина.

Голос дяди звучал почти нежно. Катька, как ни старалась, ничего похожего не испытывала. И на карту она поглядывала скорее враждебно, чем с интересом. А вот официантка, подававшая им обед, при виде карты как-то напряглась.

Но дядя, всецело занятый собственными планами, ничего не замечал.

– Если в те края кто чужой приедет, его сразу видно. Отцу могли свистнуть его друзья-приятели, чтобы спрятался. А уехала облава – он выходит и живет себе дальше.

Катька досчитала до десяти, чтобы успокоиться. Это не очень помогло, пришлось прибавить еще десяток. Только когда она дошла до тридцати, желание придушить дядю не сходя

с места несколько поутихло. В это время как раз кстати подошла официантка, которая ловко убрала со стола грязную посуду. Вместе с посудой она как бы случайно прихватила и карту, но ни Катька, ни дядя, занятые разговором, этого не заметили.

– Я тебя понимаю, – проговорила Катька, когда официантка, наконец, отошла.

Говорить Катя старалась как можно ласковее – все-таки перед ней пожилой человек, к тому же любимый дядя. По совокупности этих двух факторов выходило, что он имеет право на некоторую снисходительность с ее, Катиной, стороны.

Вдохнув и выдохнув, она произнесла уже гораздо мягче:

– Понимаю тебя, дядя: ты хочешь повидать своего отца. Но, дядя Паша, вспомни, сколько тебе лет.

– Я мужчина в самом расцвете сил.

Катьке сейчас было не до шуточек.

– Скажи, какого года рождения твой отец?

– Бабушка говорила – двадцать первого.

– Вот! Даже если он жив, он уже глубокий старик. Но, скорее всего, он давно умер. Так зачем ты туда едешь?

«И меня еще с собой тащишь!» – очень хотелось ей прибавить.

– Катюша, я понимаю, что ты страшишься неизвестности, – миролюбиво произнес дядя. – Конечно, ты недоумеваешь, зачем мы туда едем.

Вот именно!

– Но я так мечтал повидать родные места. И мне хотелось, чтобы рядом со мной в этот момент был не чужой человек. Понимаешь? Кто-то, кому я мог бы передать частичку того тепла, которым мой отец, а твой дед наделил те края. Не знаю, как тебе это объяснить. Своих детей у меня нет. Вот и выходит, что ты, Катюшка, единственная, кому я могу показать ту деревню, тот дом... Ладно, не сам дом, но место, где стоял дом, в котором родился и вырос мой отец. А возможно, что и его отец, и отец его отца, и отец отца...

– Дядя, я все поняла.

Катька на самом деле поняла. Поняла, что она попала.

Если ее дядя заехал в такую даль, назад он уже ни за что не повернет. И ее не отпустит. Поэтому единственный способ покончить со всей этой историей как можно скорее – потакать дяде во всем. Хочет он посмотреть на место, где когда-то жил его отец, – пожалуйста. От нее не убудет, а дядя успокоится. Глядишь, и на самом деле ничего страшного не случится. Съездят они в эту Олеховщину, убедятся, что об их семье там слухом не слыхивали, и успокоенные вернуться домой. Может быть, даже сегодня. В крайнем случае завтра.

Так думала наивная Катюша, даже не подозревая, что жизнь ее уже круто изменилась и дом, в который она так мечтает вернуться, она увидит ой как нескоро.

Но пока она ни о чем таком не подозревала, а потому и не сопротивлялась особо дядиной затее. Сам он тоже понял, что сумел если не привлечь на свою сторону племянницу, то хотя бы успокоить ее, и засобирился:

– Надо отправляться в путь, если хотим доехать до места засветло.

– Засветло?

Настроение у Катюши снова упало.

– Осталось километров тридцать, но это самый трудный отрезок пути. Дорога там может быть разбита. Кто будет ремонтировать дорогу, которой пользуются несколько человек? Слушай, а где карта?

Катя с удивлением взглянула на него.

– Не знаю. На столе лежала.

– Разве ты ее не брала?

– Нет. Зачем она мне?

- Странная штука. Я тоже не помню, чтобы я ее убирал. Но на столе, как видишь, ее нет.
- Может, официантка случайно унесла?

Призванная к ответу румяная официантка клятвенно заверила, что никакой карты в глаза не видела. И поскольку доказать противное ни Катя, ни ее дядя не могли, на этом все и закончилось. Дядя решил, что карту девица все-таки унесла по рассеянности, но раз в голове у нее совсем пусто, она этого и не помнит. А в голове у нее наверняка пусто, потому что иначе она бы не трудилась официанткой в придорожном кафе.

Конечно, дядя здорово ошибался. Если бы ему прямо сейчас представилась возможность получше узнать эту простоватую девчонку, он был бы весьма изумлен.

- Но как же мы доберемся без карты?

У Катьки мелькнула надежда, что дядя захочет теперь повернуть назад. А вот и нет, он был невозмутим и спокоен.

– Ничего страшного не случилось. Я помню маршрут, так что мы прекрасно доберемся и без карты. Может, кому-нибудь другому она нужна, а я и так доставлю тебя по нужному адресу.

Пашка сказал – Паша сделал. Так всегда говорила Катина покойная мама, твердо веря, что брат не подведет, не сдаст, не обманет. Надо сказать, дядя Паша всегда оправдывал эту ее уверенность. В самый трудный час он неизменно подставлял сестре крепкое мужское плечо. А сейчас, когда Люды не было в живых, стал опорой для своей нежно любимой племянки.

Дядя Паша не врал, когда говорил, что любит Катюху, как любил бы, наверное, собственную дочь. Именно сейчас он намеревался сделать все от него зависящее, чтобы обеспечить Катюшкино благополучие. Правда, пока это у дяди Паши не очень получалось. Он, конечно, видел, что Кате не особо по душе вся эта их экспедиция. И конечно, сугубо по-мужски полагал, что все это пройдет, когда наконец откроется истинная цель их поездки. Вот только раскрыть этот главный секрет он собирался в самой Олеховщине, и никак не раньше.

А Катя в эту минуту с грустью думала, что с возрастом у людей появляются чертовски странные причуды. И как неприятно, когда они в эти свои фантазии втягивают других, например молодых племянниц.

Хотя могло быть и хуже. Так Катя утешала саму себя, разглядывая вновь замелькавшие за окном машины деревья. Что могло быть хуже, она пока еще не решила, поэтому просто смотрела по сторонам, стараясь отвлечься от собственных нехороших мыслей.

Да, она смотрела по сторонам. А дядя смотрел вперед. И ни одному не пришлось в голову обернуться. Если бы они это сделали, они увидели бы, как на маленькую парковку у кафе заехала еще одна машина. Это был компактный «Ниссан», из которого выбрался мужчина – слишком мощный для такой маленькой машинки.

Скажем прямо, он был хорош собой. Темноволосый и широкоплечий, этот парень был из породы тех мужиков, которые производят неизгладимое впечатление на женщин без особого ума. На умных тоже производят, но у умных это впечатление быстро портится. Надо сказать, этот красавчик, гроза женских сердец, был невероятно похож на давнего знакомца Катьки – ее несостоявшегося жениха.

Если бы сама Катя увидела этого мужчину, она была бы вынуждена признать, что сходство очень велико. Но что бы ее Вован стал делать в этих местах? Что его могло завести так далеко от дорогого сердцу Пупышева?

Мужчина не стал задерживаться на парковке. Он бросил быстрый взгляд в сторону машины, увозившей дядю Пашу с племянницей, и забежал в кафе. Но и там он пробыл недолго. Спустя пару минут он уже выскочил на улицу с котлетой, зажатой между ломтями белого хлеба, в одной руке и картой – в другой. Да, это была та самая карта, которая так таинственно исчезла со стола путешественников во время обеда.

Все тайны разъяснились, стоило лишь взглянуть на выскочившую на крыльцо официантку. Да-да, на ту самую простушку, которая обслуживала Катю и дядю и клялась, что в глаза не видела никакой карты.

Долгий тоскливый взгляд, которым она проводила «Ниссан», ясно говорил, что для нее сейчас важнее любых клятв. Но красавец уехал и даже, кажется, забыл кивнуть ей на прощание, а девушка осталась при щях и котлетах. Особенно грустно было ей возвращаться к своим щам из-за того, что в салоне она разглядела женский силуэт.

Конечно, она догадывалась, что сыграла роль в какой-то нехорошей истории, оттого так тяжело и вздыхала, разгребая грязные тарелки на кухне маленького кафе. Увы, ни Катя, ни ее дядя знать не знали о таинственном незнакомце, который зачем-то преследует их и теперь вот даже вооружился картой.

Вместо того чтобы обернуться и заметить, как их нагоняет темно-синий «Ниссан», Катя с тоской наблюдала, как темнеет небо и сгущаются сумерки. Нехорошие предчувствия охватывали ее так же плотно, как небо – подступающая чернота. Что и говорить, все основания для таких предчувствий были.

Глава 3

Когда Катя с дядей добрались до ближайшего к Олеховщине населенного пункта, была уже глубокая ночь. По дороге они заблудились, свернули не там и оказались на дороге, больше похожей на раскисшее болото. Огромная лужа засасывала их, как трясина. Катька принялась паниковать:

– Мы здесь погибнем! Никто и косточек наших не найдет!

Дяде пришлось выйти из машины и толкать ее сзади. Катька сидела за рулем, жала на газ и сигналила. Она видела, что там, откуда они приехали, были огни чьих-то фар. Но, несмотря на ее упорные призывы, на помощь к ним никто не спешил. Потом огни погасли, и вокруг стало совсем темно и страшно.

Здесь они с дядей и останутся. Эта мысль не давала ей покоя, пока дядя рубил складным ножом ельник, укладывал его под колеса просевшей машины и снова пытался толкнуть ее вперед. Каким-то чудом им удалось выбраться из ловушки. Пока дядя пытался успокоить дыхание, Катя рискнула сказать:

– Плохо без карты.

Несмотря на серьезное испытание, дядя держался бодро.

– Ерунда! – заверил он племянницу. – Я вспомнил: мы просто не там свернули. Сейчас вернемся к развилке, и все будет в порядке.

К удивлению Кати, стоило им двинуться в путь, как впереди снова загорелись фары какой-то машины. Судя по тому, как эти фары двигались, водитель поспешно разворачивал свой драндулет. Самое время, кажется, задуматься, что же происходит. Но Катя была слишком утомлена, чтобы разгадывать загадки. А дядя, наоборот, слишком возбужден, чтобы что-то замечать.

Они выехали на перекресток, выбрали другую дорогу и ехали по ней еще почти час. А все потому, что двигались с черепашьей скоростью, опасаясь еще какой-нибудь неприятности на своем пути. За это время налипшая на дядиной одежде болотная жижа подсохла и превратилась в настоящий панцирь. При малейшей попытке пошевелиться этот панцирь трескался, крошился и осыпал сиденья и весь салон крошками глинистой земли.

Когда впереди показались огни какого-то поселка, Катя чувствовала себя уставшей настолько, что уже ничего не хотела. Но дядя ее поражал. Казалось, трудности только подстегивают его.

– Мы приехали!

В Олеховщине светились два-три окошка. И свет их был таким тусклым, таким робким в этой мрачной черноте, что сердце у Катьки окончательно упало. Здесь они с дядей и лягут вместе со всеми их предками, это теперь яснее ясного. Но просить дядю образумиться было поздно. Пришлось Кате с кряхтением выбираться из машины, разминать затекшие от долгого пути ноги, зевать и оглядываться.

Хотя на что здесь глядеть? Ничего же не видно. Луна и звезды спрятались за тучами. А на всю деревню светил один-единственный фонарь. И жилым казался всего один дом. Дядя направился напрямик к нему, но был облаян большим рыжим псом. Тот хоть и лаял на чужака, но смотрел при этом виновато и вилял хвостом. Дескать, прости, человек, ничего личного, просто служба такая.

– Кого там среди ночи принесло?

Голос был мужским и не старым. Да и весь дом, насколько могла разглядеть Катя, был вполне себе добротным. Хороший такой дом. Он ей понравился даже в потемках. И человек, который вышел на крыльцо, тоже был симпатичный. Высокий, с рыжей густой бородой. Единственное, что в нем не совсем импонировало Катьке, так это ружье, которое он держал в руках.

Но, разглядев, что перед ним всего лишь измученная женщина и перемазанный с ног до головы старик, хозяин ружье опустил.

– Доброй вам ночи, – произнес он почти вежливо, а потом поинтересовался: – Имеете ли святое крещение?

– Что?

– Спрашиваю – православные? Крещены?

Почувствовав, что от ответа зависит их дальнейшая судьба, Катька торопливо закивала.

– Перекрестись.

Осенила себя крестным знаменем. Понимая, что дядя ни за что за ней этого не повторит, она торопливо представила своего спутника:

– Это мой дядя! Мы вместе в Олеховщину едем.

– Эге! – присвистнул мужик. – Это вам еще три километра пилить.

– А это разве не Олеховщина?

– Нет, это хутор, мои владения. А Олеховщина дальше.

Три километра в темноте и по бездорожью грозили превратиться в тридцать. Глядя на их помрачневшие лица, хозяин хутора предложил:

– А не хотите переночевать у меня? Нет, решать, конечно, вам. Дальше поедете?

Катя помалкивала. Оказалось, дядя у нее не до конца еще сошел с ума.

– Вот что, Катюша, – сказал он. – Никуда мы с тобой сейчас не поедем.

– Правильно. Дождетесь у меня утра, тогда и отправитесь в путь.

Хозяин посторонился, пропуская гостей внутрь.

В доме было светло, тепло и пахло то ли свежей древесиной, то ли какими-то травами. Сложенный из крепких массивных бревен, дом выглядел солидно. Мебель тоже оказалась добротной, под стать хозяину.

– А вы один живете?

– С Рыжим. Еще Чалый есть – это конь. Коровы, овцы – все есть. Но они живут в своих загонах.

– А из людей?

– Есть и люди.

Но пока что-то никого видно не было. А между тем размеры дома впечатляли. На первом этаже Катька насчитала три большие комнаты, и это помимо кухни и прихожей. На втором этаже, наверное, комнат было не меньше. Имелся даже городской санузел и кран, из которого текла горячая вода!

Она привела себя в порядок и вернулась в гостиную к хозяину.

– Молитву хоть одну знаешь?

Катька кивнула.

– Читай.

Катя прочла «Отче наш». Хозяин повеселел.

– Должен убедиться, что вы не нечисть какая. Все-таки вместе ночевать.

– А здесь и нечисть водится?

– Много всяких страхов из леса по ночам лезет.

Катюша смотрела на рыжебородого с недоверием. И тот пояснил:

– Я ведь когда в городе жил, тоже в разных там леших или водяных не верил. А теперь вот пришлось поверить.

– Почему?

– Потому что видел их.

Непонятно было, шутит он или говорит всерьез. Если всерьез, то с головой у него плохо. А жаль, такой симпатичный. Катя решила, что лучше пусть шутит.

– И кикимору видели?

Она спросила не всерьез, но мужик шутку не принял и ответил обстоятельно:

– Видеть не видел, а шутки ее пакостные на себе испытывать приходилось. Хорошо, домо-вой за меня вступился. Он у меня серьезный мужичок – навалял лесной хулиганке, больше она к нам свой длинный нос не сует.

Хозяин отвернулся, чтобы подкинуть полено в ярко полыхающий камин, а дядя выразительно покрутил пальцем у виска. Мол, хозяин нам попался чокнутый. А вот Катьке в этом доме понравилось. Мебель здесь была самодельная, но удобная. Ручки у стульев из причудливо изогнутых веток, большая люстра под потолком – из ветвистых рогов оленя. А то кресло, в котором сидел сейчас хозяин, сделано было не иначе из пары лосиных рогов.

Разравнивая полешки в камине, хозяин не столько спросил, скорее сам себе ответил:

– Вы с дороги наверняка есть хотите.

И, не дожидаясь ответа, прошел на кухню, откуда вскоре появился с двумя дымящимися кружками и тарелкой с бутербродами. Чудесный, еще теплый ржаной хлеб и разваренное до мягкости мясо. То и другое такими толстыми кусками, что рот Катюше приходилось разевать во всю ширь. Но как же вкусно-о! Куда там гамбургеру.

Хозяин смотрел на них с довольным видом. «Уж угостил, так от всей души», – это читалось на его славном простом лице.

Справившись с бутербродом, Катька стала прихлебывать пахнущий мятой чай. Помимо трав здесь был еще и мед, и только теперь Катька почувствовала, что наконец согрелась. От теплого меда ее мигом кинуло в жар.

Катька благодарно заглянула в глаза хозяина.

– Спасибо.

Тот в ответ слегка кивнул. И поинтересовался не без любопытства:

– А зачем вы едете в Олеховщину?

– Дело у нас там.

– Сам я здесь недавно живу, лет пять всего, как перебрался в эти края. Но слышал, что места в Олеховщине совсем гнилые.

– В каком это смысле? – По голосу дяди было слышно, что ему обидно за родину своих предков.

– Да и дороги туда нет, – продолжал хозяин, – раскисло все. На машине не проедешь: сплошное болото.

– Болота здесь у вас повсюду. Зачем вы Олеховщину ругаете, если сами не местный?

Хозяин понял, что невольно обидел гостя. Губы его дрогнули в улыбке.

– Вы меня простите, если ненароком вас задел. Но слова из песни не выбросишь. Что есть, то и говорю. Нехорошо там, в Олеховщине, и дело даже не в дороге. Место там нехорошее. Кто бы ни поселился – самое большее через полгода съезжает.

– А почему? Что говорят?

– То и говорят, что нечисто там.

– Вы меня тоже простите, но это какие-то бабские выдумки. Факты, факты давайте!

– Могу и факты. Мы сюда втроем приехали. Начитались о пользе натурального хозяйства и приехали. Брат все твердил, что конец света скоро. Вот мы втроем и решили спастись в глуши: моя жена, я и мой брат с нами. Не стану вас утомлять, что и как у нас вышло, только жена с братом решили поселиться отдельно от меня.

– Вот как.

– Я их желанию противиться не стал. По-моему, если ты не люб своей бабе, все равно хорошей жизни с ней не выйдет. Да и правду сказать, брат у меня – красавец писанный, не то что я. И в постели выдумщик. Характер только паршивый, но это ведь на лице не написано. А лицом он в самом деле хорош. Одним словом, разделились мы. Технику и прочее добро, что мы сообща приобретали, брат с женой забрали. И поехали они жить – как вы думаете, куда?

– В Олеховщину?

Хозяин кивнул.

– Сначала вроде неплохо все у них пошло. Дом поставили, работников привезли, чтобы землю пахать и скот пасти. Но потом стали у них работники разбегаться.

– Платили мало?

– Как везде, платили, дело не в этом. Люди от брата с женой через меня уходили, здесь другой дороги нет. Все, кто в Олеховщину хочет попасть или оттуда уйти, мимо моего дома проезжают. Многие ко мне по пути заглядывали. И все как один говорили, что можно было бы там жить: хозяева не вредные, работа не тяжелая, платят нормально. Да уж больно страшно там.

– Что же страшного?

– Что ни ночь – вздохи, стоны, скрежет зубовой из-под земли. В лесу, а лес там повсюду, огоньки синие мелькают. Призраки ходят, плачут. Из дома ночью и выйти страшно.

Презрительное выражение на дядином лице лучше всяких слов говорило, что он думает о глупых людях, которые пугаются каждого шороха.

– Ладно бы только ночью, но и днем беда. Скотину в луга поведешь – вдруг вой не пойми откуда доносится, прямо жуть берет. Коровы в панике, половина стада разбежится, другая половина заболит. Не удои, а слезы одни.

– Подумаешь, стадо разбежалось. Пастух не доглядел, бывает.

– Хозяйство опять же у брата от постоянных неудач в полный беспорядок пришло. Как у него получалось: зерно на холмах посеет – засуха, все сгорело. На другой год картошку в низинке посадит – дожди, глядишь, картошка вся сгнила.

– Сеять надо с умом, – наставительно произнес дядя. – Часть на холмах, часть в низинке.

Бородатый только хмыкнул в ответ.

– Пытались и так, и этак. А что получилось? Да ничего не получилось! Так проклятые тучи умудрялись пройти, чтобы в низинке пролиться, а на холмах ни капли не уронить. И главное, у меня-то нормальные урожаи, а у брата все недород. Разница в несколько километров, а как будто другой климатический пояс. Опять же тоска какая-то в тех местах поселилась. Брат пить стал, хотя никогда за ним такой привычки не водилось. Баба моя худеть начала. К врачам съездила – те ей диагноз какой-то страшный поставили, брат от этого еще больше запил. Уже ни сеять, ни пахать не пытался. А зачем, говорит? Все равно все прахом пойдет. Потихоньку технику, что у меня отжал, за бесценно распродавал, тем и жили. Деньги-то у брата в свое время были, но постоянные неудачи его запасы хорошо подъели. В последнее время он главным образом на водку себе добывал. А питались птицей и скотиной, которая у них к тому времени еще не передохла.

– И вы им не помогали?

– Скажем прямо, они меня к себе и не звали. И потом, я на них вроде как обижен должен был быть. Начудили оба изрядно, и первыми они должны были бы шаг навстречу сделать. Не мне же к ним тащиться. Но людям их я много раз говорил, что считаю случившееся ошибкой, зла на обоих не держу, если понадобится, могу на первое время принять обоих. Только ответа я ни от брата, ни от жены бывшей так и не получил. А потом и вовсе странное случилось. Исчезли брат с женой. Вроде как с вечера к себе спать пошли, а утром кровати пустые стояли. С тех пор ничего о них не слышать.

– А дом? Хозяйство?

– Какое там хозяйство! Пропито все, а что не пропито, то разворовано.

– А дом?

– С домом отдельная история. Сперва банк, в котором брат кредит взял, дом на торги выставил. Дважды покупатели приезжали. Купят, поживут с полгодика – и снова на торги. Первые жильцы были парой видной: он чиновник из Москвы, она при нем. Но они все наскоками жили. Приедут, поживут несколько дней и назад. Говорили, мол, места живописные, а не тянет

остаться надолго. Так и продали. Недавно видел их по телевизору. Судебный зал показывали, судили соседа моего. Жена его в зале, вид бледный, и не узнаешь прежнюю фифу. А как судья конфискованное у этой пары имущество стал перечислять, я понял, отчего мадам чиновница с лица побледнела. Это же какую уйму всего они с мужем одним махом потеряли. Все, что годами наворовывали, прахом пошло. Шутка ли! От такого побледнеешь, как же.

Катьку аж пот прошиб. А что в этой Олеховщине еще загадочного происходило?

– Следующие жильцы были из творческой интеллигенции. Он художник, она писательница. Тоже несколько месяцев продержались. Пока весна и лето – еще туда-сюда. А как осень наступила, дожди, темнеть рано стало, они и затосковали. Нет, говорят, не нравится нам в дикой природе жить. Из города как-то все по-другому представлялось. И уехали. Оно и понятно, летом к ним все друзья приезжали, а осенью в наши края и не проедешь, сами видите. Недолго после них трети заселились. Веселые такие молодые люди: не сеяли, ни пахали, чем занимаются, не говорили. Но деньги у них водились. Вот при них несчастье и случилось – сгорел дом. Да нехорошо так сгорел, вместе со всеми его обитателями.

– Ах!

– Следователь мне потом говорил, что на пепелище остатки целой химической лаборатории обнаружили. Ребятки химиками оказались, в лаборатории наркотики варили, чуть ли не в промышленных масштабах производство наладили. В одну далеко не прекрасную минуту что-то у них не так пошло, тогда все и полыхнуло.

Даже на скептика дядю Пашу рассказ хозяина произвел впечатление. А уж Катька и вовсе трепетала.

– Да, не везло вам с соседями.

– Место это гиблое, вот в чем дело. Души жителей этой деревни до сих пор покой обрести не могут. Бродят, мучаются, злые дела творят. А подобное и притягивает подобное. Вот по вам вроде не скажешь, что вы люди плохие. Но если в эту Олеховщину едете, значит, и в вас червоточина какая-нибудь имеется.

Катька возмутилась:

– Мы туда к родным едем! К могилам предков!

– Вот оно как. Значит, сами родом из этих мест?

– Дед тут родился, Мельников Антон Степанович.

Хозяин задумался.

– Погост в Олеховщине имеется, это верно. Некоторым захоронениям по триста-четыре-ста лет. Буквы от времени потемнели, почти не разобрать.

– Если люди в Олеховщине испокон веков селились, значит, не такое уж и гиблое место.

Хозяин не стал спорить:

– Может, просто так совпало. Спать-то вы как? Хотите?

Мог и не спрашивать. Глаза у путешественников закрывались сами собой. Хозяин показал им постели, на которые дядя с племянницей и рухнули, едва стянув с себя верхнюю одежду и обувь. Хорошо натопленный дом, сытный ужин, удобная постель – что может быть желанней после долгого пути? Как приятно вытянуться на свежем белье, уткнуться носом в пуховую подушку и прислушаться к шуму дождя, который зарядил за окном с новой силой. Только так и понимаешь, какой ты все-таки счастливчик.

И ведь не всем так повезло, как дяде с племянницей. Не все нашли в эту ночь гостеприимный кров. Кое-кому пришлось коротать время до рассвета в салоне машины. К кому же судьба оказалась настолько неласкова? Да к тому самому высокому мужчине, в руках которого оказалась карта дяди Паши. И еще к его спутнице.

Эти двое сумели добраться до Олеховщины. Хозяин хутора не соврал: после дождей дорога в деревню стала для легковых машин окончательно непригодной. Ничего удивитель-

ного, что «Ниссан» завяз в грязи. Да так основательно, что его даже трактор вытащил только с третьей попытки. Дальше «Ниссан» уже не поехал, скорее поплыл по раскисшей осенней грязи.

Оказалось, тракторист был из Олеховщины, работал там на строительстве загородного жилого комплекса. Доставить этих двоих он доставил, но на ночлег к себе не пригласил. Объяснил, что в единственной бытовке и так ночуют помимо него три человека, поместиться там решительно негде.

– Тем более с дамой, – галантно прибавил он.

Так что пришлось этим двоим коротать ночь в машине. Только малютка «Ниссан» для ночевки был решительно не приспособлен. И если дядя Паша с Катькой впоследствии вспоминали ту ночь как одну из самых приятных в своей жизни, то эти двое не могли вспоминать ее иначе как с содроганием и жалобами на судьбу.

Глава 4

Утром Катька проснулась в чудесном настроении. Она сладко потянулась и повела носом. Какой волшебный запах! Самый лучший в мире. Так пахнуть могла одна-единственная вещь. Так и есть, это молоко. Возле Катюшиной кровати стояла большая чашка, до самых краев полная густого теплого молока. Катька сделала первый глоток и даже зажмурилась от удовольствия.

Она всегда любила молоко. В детском саду охотно выпивала свою порцию и еще чужие, которые ей отдавали нянечки. Катя решительно не понимала детей, которые не любили молоко. Ей оно казалось самым лучшим лакомством.

Но разве то бутылочное молоко могло сравниться с деревенским? По бутылкам в городе разливали жалкую подделку, а здесь был настоящий напиток богов.

Неспроста в Индии это животное почитают священным. Корова – это подательница жизни.

В окно Катька увидела, как коровье стадо медленно разбредается по пастбищу. Несмотря на прохладную погоду, коровы с явным удовольствием принялись щипать траву, даже мелкий дождик им не мешал. И Катьке вдруг так захотелось, чтобы именно эта картина была перед ней каждое утро, что даже в голове стало звонко и пусто. Того и гляди на пол бухнешься.

Завтрак подавала полная женщина лет пятидесяти. Была она такой улыбчивой, такой разговорчивой и такой довольной жизнью, что Катьке прямо завидно стало. Ей вон вдвое меньше, а она не умеет смотреть на мир так открыто и улыбаться так дружелюбно.

– Зовите меня матушкой Анной, – представилась женщина.

На завтрак была янтарно-желтая пшенная каша с растопленным сливочным маслом.

– А к кашке яишенка. А не хочешь яишенку, тогда творог. День-то не постный, можно себя побаловать вкусеньким.

Катька поесть любила. Да и не ясно, когда им с дядей посчастливится снова сесть за стол. Пока же она налегала и на кашу, и на яичницу, и на домашний творог со сливками. На столе был еще сыр двух видов – козий и коровий, как объяснила ей матушка Анна. Куски были нарезаны так, как любили в этом доме, – толсто и солидно. Сами же тарелки размером не уступали колесам телеги. Рядом с сырным блюдом стояла миска с чем-то тягучим. Оказалось, это топленные в печи сливки, которые Катька тоже с удовольствием отведала.

– Я вам в дорожку узелок с харчами собрала, – подмигнула ей матушка.

А когда гости принялись отказываться от узелка, больше смахивающего на рюкзак, твердо сказала:

– Хозяин велел.

Было ясно, что хозяйина Анна нипочем не слушается.

– А где он сам?

– Андрей на выгон пошел. Ох и заботливый у нас хозяин! Все сам, все проверит, ничего не упустит. И человек хороший. Если тебе насчет Андрея другое говорить станут, ты не слушай. Поняла ли?

– Да.

Про себя Катюша удивилась. Кто ей может рассказать об Андрее плохое? И что именно?

– Очень он у нас хороший, – продолжала хвалить хозяйина матушка Анна. – И ответственный. Вот пастухи сказали, что ночью овечью отару кто-то гонял, так Андрей сразу к ним.

– А кто гонял-то?

– Не то собаки, не то волки, не то вовсе люди лихие. С тех пор как в Олеховщине снова землю копают, нам покоя нет.

– Там появились новые люди?

– Пока нет, но собираются.

– А ваш хозяин сказал, что в Олеховщине никто жить не хочет.

– Это те, кто знает, что там нечисто. Но не в самой деревне, а ближе к реке есть живописное местечко. Его кто-то из городских бизнесменов высмотрел и задумал там жилые дома поставить. Чтобы каждый участок с видом на реку. Вовсю уже строительство идет. Бульдозерами землю ровняют, тракторами песок возят, цемент льют, сваи копают. Туда-сюда грузовики только и мотаются. Я один раз была, так еле ноги унесла.

Катька удивленно глянула в окно – тот же безмятежный пейзаж.

– Никаких грузовиков не вижу.

– Так они по нашей дороге больше не ездят. Они теперь по реке груз доставляют.

– Там есть мост?

– Не мост, а переправа. Бизнесмен этот посчитал, что паромную переправу наладить будет дешевле, чем дорогу строить. Вот и доставляет, что ему нужно, на пароме.

– Значит, в Олеховщине сейчас много народу?

– Полно!

У Катьки-то сложилось несколько другое представление об этом месте. Но дядя успел ей шепнуть, что их интересует не сама деревня, им нужен погост. Туда бизнесмен вряд ли успел добраться, как-никак кладбище слишком далеко от реки.

На улице Катьку с дядей ждал здоровенный парень, как две капли воды похожий на матушку Анну. Конечно, ее сын.

– Младшенький мой, – улыбнулась матушка. – Последыш. Поскребышек.

Катька почтительно взирала на поскребышка, у которого на груди чуть рубашка не расходилась. Парня звали Митяем, было ему от роду двадцать семь лет. Если это последыш, то сколько же самой матушке? Оказалось, что в прошлом году она справила семидесятилетие.

– Кроме Мити у меня еще пятеро сыновей и три дочери, все женаты или замужем. С нами только Митя и Степа живут.

Девять детей! У Катьки глаза на лоб полезли. Она все думает, как бы хоть одного родить, а тут девять. И мать в семьдесят с лишним ворочает огромные чугушки в русской печи.

– Ой, ну надо же!

Больше Катя ничего не смогла из себя выжать, как ни старалась. Впрочем, матушка Анна и не ждала ее восторгов – попрощалась с гостями и вернулась в дом.

Митя, оказывается, должен был доставить дядю с племянницей в Олеховщину, подождать и привезти обратно.

– По этой дороге вы иначе как на тракторе не проедете. А машину свою здесь оставьте. Не бойтесь, никто ее у нас не тронет.

Митя запустил двигатель, пропустил вереницу гусей, которые с важным видом шествовали по своим делам, и двинулся с места. Гуси с неудовольствием вытянули им вслед свои шеи, словно не одобряя этой поездки в Олеховщину. Но поскольку люди на их предостережение никак не отреагировали, гуси один за другим скатились к пруду.

По дороге Митя объяснил:

– Раньше-то грунтовка от нас до деревни была сносная. Да, бывали места подтопленные, но объехать их было можно. А как строительство началось, дорогу самосвалы совсем разбили. Когда ясно стало, что теперь только на тракторе проедешь, главный их паромную переправу придумал. Да мы и не против. Нечего нам там делать, гнилое это место.

– Это ты с чужих слов повторяешь?

– Сам знаю, что мне чужие разговоры. Мы с матушкой в этих местах давно живем. Еще бабка жива была, а Олеховщина уже гнилым местом считалась.

– Почему так?

– Разное говорят.

– Что, например?

– Что там привидение бродит. Дескать, давным-давно мужик своего отца зарубил, и с тех пор беды и посыпались. Врут люди или нет – понятия не имею. А только бывать я там не люблю.

– А подробности того давнего преступления знаешь?

– Не-а, – протянул Митя, не отрывая глаз от дороги. – Подробности у матушки можете узнать. А я только знаю, что старик, которого сын зарубил, мельницу держал.

Молчавший до сих пор дядя Паша неожиданно выпрямился и переспросил каким-то не своим голосом:

– Говоришь, убитый был мельником?

Голос дяди прозвучал напряженно, но это заметила одна Катя. Митяй и бровью не повел.

– Ага, мельница раньше выше по реке стояла. Там зерно вся округа молола. Мать говорила, что там мельница задолго до революции появилась. Текла вода, лопасти крутила, жернова вертела – нехитрая технология. А заправляла всем одна семья. Ох, и богатые, сказывают, были люди. Как потом стали говорить – монополисты. Никому другому мельницы строить в округе не позволяли. Чуть какой смельчак сунется – его и спалят.

– Это ведь настоящее преступление.

– А им не все равно? Жадность – такая штука, что, если уж возьмет человека за горло, ни о чем не отпустит. Он уже и не понимает, хорошо он поступает или плохо. Одно знает – как бы еще денег заработать. Вроде последний мельник беднее своих предков был. Но и он всем дочерям, а их у него было ого-го, хорошее приданое дал. Не поспешил, не какие-нибудь там кружева-ленточки, а полновесной золотой монетой отсыпал. Потому и обеднел слегка. Наверное, думал, что после дела поправит, а тут Первая мировая, потом революция. От мельникова богатства и следа не осталось. Самого его сослали, мельницу разорили. А потом от водяных мельниц и вовсе отказались. Вместо старой мельницы в колхозе уже построили целый мукомольный завод.

– А что с мельницей стало?

– Сгорела. Теперь на том месте, наверное, и камня от фундамента не найдешь. Но вы, правда, лучше у матери моей спросите, она все эти истории о привидениях может рассказывать часами. А мне недосуг бабские разговоры слушать.

– При чем здесь привидение?

– А я не сказал? Мельник этот, которого родной сын зарубил, с тех пор повадился в Олеховщине бывать.

– Почему там?

– Дом у него был в Олеховщине. А в доме, поговаривают, он схрон сделал. Золотишко, которое пришлось сдать большевикам, – это капля от его богатств. Потому и приходит привидение в Олеховщину, что сердце его там зарыто. Где золото, там и сердце. Вот и распугивает теперь золотоискателей. Боятся, как бы золото его не украли.

– И много там золотоискателей бродит?

– В последнее время никто уже не ищет. Но когда матушка молодой была, приезжали, она рассказывала. Только мельник погибший всех разогнал, а кого и погубил.

– Выходит, золото никто так и не нашел?

– Матушка считает, что золото может взять только законный наследник самого мельника. Своему внуку или правнуку старик клад отдаст, а потом и сам успокоится. Только сказки все это, бабские рассказы.

– Да-да, – вяло согласился дядя.

Вид у него был таинственный.

В Олеховщину прибыли без приключений. Митя не соврал, здесь на самом деле затевалось грандиозное строительство. Техники и людей было согнано видимо-невидимо. Правда,

все они трудились в стороне от места, где раньше находилась деревня. Но всюду, куда ни глянь, ковыряли, сверлили и долбили землю рабочие. Между ними с умным видом ходили прорабы с бумагами и телефонами и что-то деловито обсуждали.

Дядя Паша на строительство едва глянул и потянул племянницу в сторону. Хотя Катька с удовольствием бы задержалась. Ей показалось, что среди рабочих мелькнула фигура Вована.

«Глупости! – одернула Катя саму себя. – Что ему здесь делать? Тебе просто мерещится, моя дорогая. Совсем от своей любви свихнулась».

Митя показал им дорогу на кладбище, но сам с ними не пошел – признался, что кладбищ не любит.

– Матушка ходит. Ладан над могилками курит, свечи жжет, за деда с бабкой молится. Может, и еще за кого, я не знаю. А я не ходок по таким местам. Я вас лучше здесь подожду.

Он выбрал на холме площадку, с которой можно было наблюдать за строительством, и как-то очень ловко развел костер.

– Не работа, а удовольствие, – подмигнул он им на прощание. – А я-то, дурак, не хотел ехать, когда Андрей велел вас проводить. Сейчас бы на тракторе поле пахал, а вместо этого здесь прохлаждаюсь.

Все знают, что никогда не надоедает смотреть только на три вещи: на горящий огонь, на бегущую воду и работающих людей. Все три сейчас были перед Митей. Под горой текла речка, у ног горел костер, а внизу работали люди. Что еще человеку нужно для счастья?

На кладбище дядя долго бродил между каменных и деревянных крестов, напряженно вчитывался в имена. А когда невозможно было разобрать надпись, просто стоял, вглядывался в поросший мхом камень, будто надеялся, что само сердце подскажет.

Катюше это занятие быстро наскучило. Ничего удивительного, что она принялась выдумывать, как бы удрать от дяди под благовидным предлогом. Думала-думала и придумала.

– Дядя, кажется, я потеряла кошелек.

– Ну и растяпа!

– Мне нужно вернуться.

– Куда? На хутор? Или сразу в Питер?

– Почему в Питер?

– Откуда ты знаешь, где ты его посеяла?

– Где-то здесь, уже в Олеховщине.

– Думаешь?

– Я точно помню, что кошелек был, когда мы выезжали с хутора. И когда приехали сюда, он тоже был. Где-то по дороге на кладбище я его выронила. Я схожу посмотрю, ладно?

– Что ж, сходи.

Дядя был слишком увлечен поисками, чтобы вслушиваться в ее слова, и Катька поспешила ретироваться. Нет, возвращаться через пару минут она не собиралась. Нашли дурочку!

Она пошла куда глаза глядят. Дождь прекратился, можно было, наконец, и полюбоваться природой. Места здесь были в самом деле живописные. Самый красивый уголок, конечно, заняла стройка. Туда-то Катя и направилась. Во-первых, люди. Во-вторых, живые. В-третьих, мужчины. Молодые живые мужчины – это было то что надо.

Что поделать, любила Катька поглазеть на мужчин просто так. И не просто, а с мыслями всякими греховными тоже любила. Эти мысли, надо полагать, ее и погубили. Под ноги Катя не смотрела и внезапно почувствовала, что теряет равновесие. Взмахнула руками, но это ей не слишком помогло.

Что поделаешь, люди не птицы, они не летают.

– А-а-а!

Еще стоя наверху, на поросшем травой склоне, она думала, как бы не поскользнуться. И вот теперь с дикими воплями покатила вниз. Сначала она пыталась затормозить, но под руку

попала в траву, которая тут же оставалась у нее в пальцах. Так Катька и катилась, с пучком травы в каждой руке.

Достигнув, наконец, точки и остановившись, Катька на какое-то время замерла. Просто лежала и пыталась понять, жива она еще или уже все. Но вокруг по-прежнему шумели деревья, журчала река, раздавались голоса рабочих, никто из которых и внимания на нее не обратил. А потому, полежав еще немного, она решила, что хватит, и попыталась встать. Это получилось не с одного раза. Сперва она встала на четвереньки, потом, кряхтя и постанывая, поднялась на ноги и только потом попыталась выпрямиться. И тут же снова замерла. Нет, не от боли в пояснице, а совсем по другому поводу.

Что там поясница! О ней Катька и думать забыла.

Она стояла с вытаращенными глазами и не верила тому, что видит перед собой. Вован!
– Усохни моя душенька, Вован!

Прямо перед ней из какой-то строительного вагончика вышел ее любимый мужчина.

Сперва Катя решила, что ей мерещится. Пока катилась по склону, ей пару раз довелось крепко приложиться башкой не то о камень, не то о пенек. Наверное, у нее теперь галлюцинации. Или просто в глазах рябит.

Катька протерла глаза, оставляя на лице грязные разводы, и потрясла головой. Как ни странно, голова совсем не болела, последствия ударов никак не сказывались. Папа всегда говорил, что у Катьки башка чугунная. Что ж, теперь в этом нет никакого сомнения.

На всякий случай Катя еще раз протерла глаза, но Вован никуда не делся. Это точно был он. Но не один. Рядом с ее любимым семенила девушка, молодая и изящная. Эта особа сразу не понравилась Катьке. На незнакомке были резиновые сапоги и мужская куртка, но выглядела она при этом королевой. Как можно в старых разношенных сапогах и в куртке на два размера больше выглядеть, как на конкурсе красоты, Катька не понимала. У нее ничего подобного не получалось и после нескольких часов марафета. Такая планида.

Катька красила, мазала, шпаклевала свою физиономию, но выходило или откровенно вульгарно, или просто намного хуже, чем было от природы. Маникюр и тот не держался. Ногти ломались. Лак отслаивался. Тушь с ресниц упорно осыпалась. Суперстойкая помада размазывалась. Видно, было что-то такое в Катькиной натуре, что сопротивлялось любому вмешательству извне.

А если случайно мастеру-волшебнику в салоне красоты удавалось соорудить на Катькиной голове что-то приличное, как немедленно начинался ливень и дул ураганный ветер. А если и им было не под силу справиться с ее красотой, тогда в дело вступал какой-нибудь водитель, который от души обдавал Катьку фонтаном брызг из самой глубокой лужи. Словом, что бы она ни предпринимала, вид у нее оставался неизменно слегка растрепанным. Вован постоянно попрекал этим свою подругу.

Что ж, если он увидит ее сейчас, то останется доволен. После кувырка с горки каждому очевидно, как он был прав.

Но теперь-то он себе кралю по вкусу нашел.

Несмотря на собственный далеко не парадный вид, Катька решила подойти к парочке и поздороваться. Все-таки не чужие люди. Да и фря, которая висит сейчас на ее парне, может оказаться просто случайной знакомой, которую добрый Вован решил перевести через лужу. Катька изобразила на лице самую приветливую из возможных улыбок и двинулась вперед.

Самой себе она напоминала то ли ледокол, то ли военный крейсер. Ростом и статью природа Катьку не обидела. Сейчас, приближаясь к Вовану с его приятельницей, Катька думала, до чего же оба кажутся маленькими и невыразительными. Еще пару шагов, и они тоже ее заметили. Когда Катьке до них оставалось метров двадцать, девица случайно обернулась, увидела движущийся крейсер и ойкнула. И тут же дернула Вована за рукав, чтобы обернулся.

Такого лица Катька у него никогда в жизни не видела. Если бы воспитание, за которое спасибо папе с мамой, Катька бы сейчас сказала, что Вован пере... перетрусил, одним словом. Он очень испугался, когда увидел крейсер по имени Катя, мчащийся в их сторону. Отражать атаку Вован не был готов, поэтому развернулся и кинулся бежать. Девушка припустила следом. У нее оказались тонкие и длинные ноги, которые она ловко переставляла, не обращая внимания на слетевшие сапоги.

Катька от удивления даже остановилась. Так и стояла как вкопанная, наблюдая, как парочка уносится вдаль, мелькая голыми пятками.

– Чего это они? – шмыгнула она носом. – Неужели меня испугались?

– Знакомые?

Рядом с Катькой возник Митя. Он бережно отряхнул на ней куртку, снял с головы какую-то веточку, посоветовал, где вытереть лицо. А потом тоже глянул вслед Вовану и его спутнице, которые карабкались в эту минуту на соседний холм.

– Знакомые? – повторил он.

– Ага. Жених.

– О как! А что за девушка с ним?

– Понятия не имею.

– Хотите, разузнаю, кто такая?

– Да нет, зачем, – начала было Катька, но Митя ее уже не слушал.

– Я мигом!

Он убежал, а Катя осталась. Присела на бревнышко и задумалась. Что все это значит? Откуда здесь Вован? Почему с ним эта девушка? Этого Катя не знала. Но Вован зачем-то приехал в Олеховщину. Приехал за ней, за Катей.

На этом месте Катька покраснела и стала улыбаться своим мыслям. Но если Вован явился сюда за тем, зачем она подумала, то довольно странно с его стороны тащить с собой еще и эту девушку. Или это регистраторша из местного ЗАГСа, которой Вован заплатил, чтобы она связала их узами прямо здесь, на природе?

Но ведь ничто в натуре Вована не выдавало в нем скрытого романтика. Совсем даже наоборот, Вован всегда был расчетлив до крайности. Идти на расходы по случаю сватовства – нет, это точно не его стиль.

Тогда зачем же он приперся?

Наконец вернулся Митя.

– Я все узнал об этих двоих! – запыхавшись, сообщил он. – Парня никто не знает, он здесь впервые. А вот девушка в этих краях уже появлялась.

– Она местная?

– Жить не живет, да и негде, в Олеховщине всего два дома жилых. В одном бабка Афина, в другом Герман с Катериной. Никто из них гостей не привечает. Герман с Катериной пьют без просыху. А бабка Афина и вообще чудаковатая, а эту девушку и вовсе невзлюбила. Рабочие слышали, как бабка на нее орала. Воровкой даже обзывала.

Катька оживилась. Девушка ей самой тоже не понравилась, так что неизвестная бабка Афина заочно пришлась Катьке по душе. Как говорится, враг моего врага – мой друг. Здесь, конечно, не то чтобы совсем враг, но все-таки.

– Может, заглянем к этой старушке?

– Почему бы и нет. Одну вас она не пустила бы, а со мной вместе пустит. Они с матерью моей общаются, мать для нее гостинцев всяких передала. Пока ваш дядя кладбище обойдет, мы как раз успеем у бабки Афины чаю выпить с пирожками.

Предложение было кстати. Как ни плотно закусила Катька сегодня утром, а беготня на свежем воздухе давала о себе знать. Да еще волнение от пережитой встречи с Вованом сказывалось.

валось. В животе у Катьки слышалось призывное урчание. Словом, она без лишних разговоров направилась с Митей к неказистому домику, который притулился метрах в ста за кладбищем.

Путь их лежал мимо обгоревшего остова большого дома. Интуиция подсказала Катьке, что это и есть то самое место, где когда-то стоял дом брата Андрея и его неверной жены. К неудовольствию Мити, она замедлила шаг. Хотелось внимательно здесь все рассмотреть.

Но смотреть было не на что – от дома почти ничего не осталось. Стены выгорели до основания. Фундамент уцелел, но был так закопчен, что к нему было не подойти. Да и само место казалось мрачным. Огонь, видно, был такой силы, что спалил все деревья вокруг дома. Теперь их искореженные черные стволы выглядели стражами ада, предупреждавшего всякого чужака об опасности.

Внезапно Катьке показалось, что из развалин дома за ней кто-то наблюдает. Ощущение было таким сильным, что она даже вздрогнула. Холод коснулся лица, медленно просочился внутрь и заполз в прямо в душу.

– Что?.. – пролепетала Катюша. – Что там такое?

Она напряженно вглядывалась в руины, и с каждой секундой ей становилось все хуже. Наверное, так и упала бы здесь, постой она еще немного над этим местом. Но рядом возник верный Митя, схватил ее за руку и поволок дальше. Понемногу Катька очухалась, леденящий ужас отступил. К дому старушки Афины она подошла, уже вполне владея собой.

Глава 5

Бабка Афина оказалась даже симпатичной, зря Катька боялась. Она приветливо встретила гостей, обрадовалась гостинцам, а Катю усадила рядом с собой и налила ей чай из огромного чайника.

– Давно тебя жду, девонька.

– Ждете?

– Слава богу, что ты наконец приехала.

– Меня дядя привез, – зачем-то сообщила она старушке.

– Твой приезд – это знак.

– Кому?

– Видела я, как ты кубарем с погоста катилась, – не отвечая на вопрос, хихикнула старушка. – Как раз молитву отцу небесному читала, когда тебя увидела. Так и поняла: ты это.

– Кто?

– Спасительница наша! – торжественно произнесла старушка. – Тебе, Катенька, предстоит великое дело сделать.

– Откуда вы знаете мое имя? А, вам Митя сказал!

– Как бы он мне сказал, если я его самого еще сегодня не видела? А имя твоё знаю, потому что предсказан мне был твой приезд в родные места. Сон мне был, девонька. Теперь понимаю, что вещий. Именно тебе, моя девонька, надо положить предел злу, которое здесь поселилось.

– Что вы такое говорите?

– А ты думаешь, тебя дядя просто так сюда привез?

– Нет, не просто. Он на родные могилки приехал взглянуть.

– Это он может рассказывать, – отмахнулась старушка. – А я-то знаю, что его в наши места привело. Мне угодники небесные всю правду рассказали. Сразу скажу тебе: ничего у твоего дяди не получится.

– Почему?

– С нечистой душой он сюда приехал. А золото старого мельника и без того проклято. А то, что старый дьявол золото кому-то из своих потомков отдаст, – глупые байки. Если уж он любимому и единственному сыну золотишка отсыпать пожалился, так уж что о других говорить. А ведь сын не на забаву просил. Умолял отца отсыпать ему золота, когда с петлей на шее перед ним стоял, – и то старик ничего не дал. Кому другому старый греховодник богатств своих точно не отдаст. Так дяде и передай: не видать ему ничего. Да оно и к лучшему.

– Почему к лучшему?

– Проклято это золото. Кто с нечистой душой на него позарится, сам погибнет.

– Какие вы страшные вещи говорите, – поежилась Катюша.

– А ты как думала? Слишком многие из-за этого золота кровавыми слезами плакали, чтобы теперь оно кому-нибудь могло счастье принести.

Катька медленно соображала.

– Выходит, вы знали старого мельника, который клад зарыл?

– Прадеда твоего? Да уж довелось мне с ним познакомиться. Правда, я его уже совсем стареньким застала, но историю его все в деревне знали. В ту пору в Олеховщине побольше народу жило. Дед Степан фигурой был видной, так что язык на его счет почесать любили все. Хотя, когда я его впервые увидела, он уже побитый жизнью был. От бывшего богатства ничего, считай, не осталось.

– Расскажите, пожалуйста!

Бабку Афины не нужно было просить дважды. Старики любят вспоминать времена, когда они сами были так молоды, что могли совершать ошибки, а не осуждать других. Бабушка из Олеховщины не была исключением.

– Слушай. Прадед твой после смерти Сталина-душегуба освободился. Тогда многих заключенных выпустили, всеобщая амнистия и ликование.

Но в Олеховщине никто особо не радовался появлению старого Степана-мельника. Некому было. Никого здесь у старика не осталось. Его взрослые дочери разъехались, устроились кто в городе, кто в других деревнях. Люди недоумевали, почему старик вернулся сюда, а не прибил к дому любой из дочерей.

Болтали, мол, гордыня ему мешает за помощью обратиться. Когда богат был, все дочки у него в ногах валялись. Любил он над ними власть показать. А теперь нищий, вот и боится, что доченьки ему былые обиды припомнят.

Так это или нет, но старик с каждым днем становился все мрачнее. Знакомств он ни с кем не водил, поселился в маленькой избушке на окраине села и стал налаживать нехитрый холостяцкий быт. Хотя замечали люди, что кто-то к старому мельнику захаживает.

Стали поговаривать, что гостит у старика не кто иной как Антошка, сынок его непутевый. Поговаривали еще, что Антон с войны дезертировал и вот уже без малого десять лет прячется.

– Как же он прятался?

– Да дело-то нехитрое. Ушел в лес – и нет человека. Тем более у них домик в лесу был. Может, кто из местных и догадывался, где он прячется, только сдавать его милиции никто не торопился. Знали, что семейство у мельника злопамятное. За такое дело могут сжечь избу вместе со всеми обитателями.

– Ой!

Старушка глянула на нее с сочувствием.

– Что, нелегко такое о своей родне слышать? Ничего не поделаешь, я тебе правду говорю. Может, старый мельник и неплохим человеком был, но уж больно золото любил. Вся их семья такой была. Из-за этого золота много зла твоя родня людям причинила. Нет, с ножом не грабили и не убивали. Но вот деньги в рост мельник давал. И процент непомерный на должников налагал. По его милости многие семьи у нас в Олеховщине в нищету впали. А что это, разве не грабеж? Когда его в тридцать седьмом по доносу посадили, никто здесь, знаешь, особо по нему не убивался. Многие из его семьи тоже под репрессии попали. Тогда вообще такое время было: мела поганая власть каждого, ни в грош людей не ставила. Не знаю, в чем там мельника обвинили. Но факт остается фактом: многих старик обманывал, ничем не гнушался, лишь бы лишний червонец в свой чугунок добавить. Да и чугунок у него как заколдованный был. Сначала маленький совсем, потом побольше стал, а после уж вроде того, в котором месиво для поросят хозяйки варят. Вместе с золотом рос, надо же. Большой такой чугунок вырос, много в нем золота должно было храниться.

– Это еще до советской власти было?

– При НЭПе старик тоже хорошо карман набил на разных махинациях. Но как злодей Сталин к власти пришел, никакой прибыли уже мельнику не было, только бы шкуру сохранить, только о том и думал.

Но ты дальше слушай, как судьба старого черта наказала. Дело было в конце осени, на ноябрьские праздники. Ребята и девки на речку побежали, а старики и взрослые в деревне остались. Мне в ту пору тринадцать лет было, я вместе с другими ребятами по деревне носилась. Праздник же, всю ночь можно не спать. Вдруг слышим – кричит кто-то. Так кричит, словно Богу душу отдает. Страшно. И крики из той избушки, в которой мельник жил, доносятся. Мы туда. Там уже толпа народу собралась. Выводят из избы мужчину какого-то незнакомого. Ох, и страшным он мне показался! Волосы спутаны, борода нечесана, сам одет не пойми во что. И в крови весь, а в руках топор!

Даже сейчас бабушка Афина разволновалась, пересказывая этот эпизод. Встала, налила себе чаю, закусила пряничком и только потом продолжила:

– Я тогда малая была. Антона, сына Степана-мельника, мне до того дня видеть не приходилось. Но взрослые вокруг его узнали. А когда топор в его руках увидели, в дом побежали. Старик лежит: башка раскрыта, мозги наружу. Сынок постарался. Так-то вот.

– А что было потом?

– Мужики наши, конечно, у Антона спросили, за что же он отца порешил. Но он то ли под дурачка косил, то ли на самом деле умом повредился. Все только о золоте говорил. Его об убийстве спрашивают, а он все о золоте, которое отец отдавать не хотел.

– А в убийстве признался?

– Да что там признаваться, когда и так все ясно было. С поличным его взяли, на месте преступления. И орудие убийства у него в руках. Следователь потом так в протоколе и записал, что убийца скрылся в неизвестном направлении.

– Погодите! – перебила Катюшка старушку. – Как это скрылся? Его же задержали!

– Ага, сначала задержали. Только убежал Антон. Мужики-то наши слегка растерялись от такого дела. Непривычно им, чтобы такое убийство. В сарай Антона посадили, а сами в милицию решили сообщить. Только дело-то это не быстрое, телефон один на всю деревню специально для деловых звонков. В правлении аппарат стоял. А там по случаю праздника и позднего времени все заперто. Оно и понятно: люди гуляют, какие могут быть среди ночи деловые переговоры. Пока ключи от правления нашли, пока в район дозвонились, пока милиция приехала – уже утро, светать стало.

Пошли мы вместе с милиционерами сарай открывать. Открываем, а там и нет никого. Антон от веревок избавился, окошко высадил и через него в лес утек. Преследовали его, конечно. В розыск объявили. Только все безрезультатно. И больше мы Антона не видели. Следователь на наших мужиков здорово ругался, что убийцу упустили. Даже соучастие хотел им приписать. Ох, и струхнули они тогда. Потом уже другой следователь разобрался, что вины наших мужиков в случившемся не было. Недосмотр был, а вины нет. Охрана у дверей сарая стояла, но кто же знал, что Антон с другой стороны окно высадит. В общем, обошлось все. Никого больше не посадили и не убили.

После похорон, конечно, наши избу вверх дном перевернули. Многим людям слова о золоте в душу запали. Искали-искали, да только ничего не нашли. Но смекнули уже, что старик не так прост был. Видать, когда его арестовали, он кое-какое добро сдал, а большую часть припрятал. Сынок его об этом узнал и стал у отца денег просить, а тот не давал. Вот у них драка и произошла. А потом и убийство.

Глянув на гостью, старушка наставительно произнесла:

– Видишь, Катюша, что несправедно нажитое золото делает? Ума-разума людей лишает. Сына против отца озлобляет. До убийства и смертного греха доводит.

Катя молчала. Рассказ потряс ее до глубины души. Совсем не то она ожидала услышать о своем прадеде. Да и дед тоже хорош! Убийца! Но тут же Кате пришла в голову другая мысль. Ладно, пусть старик-мельник был еще тот тип, все равно он приходится ей прадедом. Значит, какой есть, такого и придется любить.

Вот не было печали. Молодец дядя Паша. Привез. Порадовал.

Вдруг она кое-что сообразила.

– Погодите, я что-то не пойму. Бабушка говорила, что ее мужа Антона Степановича Мельникова в пятьдесят третьем году арестовали чекисты. Под новогодние праздники его какие-то люди на служебной машине увезли, а потом, сколько она мужа ни разыскивала, никто ей не мог сказать, куда он делся. Она думала, что его расстреляли. А он, выходит, в пятьдесят третьем здесь у своего отца ошивался?

– Здесь он в октябре был. А арестовали его, сама говоришь, под Новый год.

– Поняла.

Катя теперь кое-что про себя прикинула. Не исключено, что Антона арестовали не по политической статье, а по обычной уголовной – за убийство собственного отца. Убийство произошло в октябре, а в декабре задержали. Довольно быстро сработал уголовный розыск, учитывая расстояние от Олеховщины до Ленинграда.

Но почему тогда бабушка не сказала дяде Паше правду об аресте мужа? Наверное, стыдилась. Или сама всей правды не знала. Может быть, Антон упрямился следователя не говорить жене, как оно было на самом деле. Понятно теперь, почему в архивах КГБ бабушка с дядей Пашей не смогли найти никаких сведений. Делом Антона Мельникова занималось совсем другое ведомство, и папку с его документами нужно было искать в архивах уголовного розыска, а вовсе не на Лубянке.

От этих мыслей Катюшу оторвал голос бабушки Афины:

– Теперь ты поняла, что это была за семья. Что отец, что сын – оба очень до золота жадные. Я это тебе потому говорю, что в тебе тоже их кровь. Опасайся, как бы и тебе жажда богатства разум не застлала.

Катя пообещала. А потом вспомнила, ради чего они с Митей пришли к старушке. Как же Катя могла забыть о самом важном! Деды, прадеды и прапрадеды с их золотом – это хорошо, но куда важнее дела личного характера. Кто та девица, что разгуливает с Вованом по Олеховщине? Да еще с таким видом, как будто имеет на Катякиного мужчину все права.

Катя описала незнакомку. Миниатюрная, изящная, темные волосы, карие глаза. И очень злая.

Последнее Катя добавила уже зря. Откуда она могла знать, злая та девица или добрая? Она же с ней и двух слов не сказала. Просто ей показалось, что уж очень недобрым блеском сверкнули глаза Вовановой подружки. Но это же Кате могло и показаться. А потом, и сама она, когда злилась, производила не так чтобы хорошее впечатление. А вообще ведь ничего была, вполне себе нормальная, временами даже добрая.

Но старушка на ее слова неожиданно кивнула:

– Знаю, о ком ты говоришь. Жиличка это моя бывшая. Зовут Анютка. У, змея! Знаешь, кто она такая?

– Кто?

– Родственницей она тебе приходится по отцовской линии, вот как.

– Тоже внучка моего дедушки Антона?

– Кроме Антона у Степана-мельника были еще дочери. Вот одна из них и произвела на свет такое отродье, как эта Анютка. Тьфу! Сказала – и даже во рту горько стало! И поганят же некоторые люди святое имя.

– Почему святое?

– Праведная Анна самому нашему Спасителю родной бабушкой приходилась. Праведная Анна и есть матушка нашей Богородицы. Или ты этого не знала?

Катя не знала.

– Так ты знай, кем святая Анна была. Такое имя на человека определенные обязательства накладывает, соответствовать ему нужно. Вот меня, к примеру, родители Афиной прозвали, удумали же такое. Я потом уже на старости лет, когда к священнику нашему пришла, чтобы креститься, он мне прямо заявил: Афиной он меня наречь не может. Любое другое имя выберите, только из святцев. Я и выбрала праведную Матронушку. А эту Нюрку, вишь ты, таким прекрасным именем от рождения нарекли, а она фортели выкидывает.

Но, если честно, я и не очень удивляюсь. Давно чувствовала, что дочери Степана-мельника в наших краях еще объявятся. А не они сами, так десант пришлют. Вот Анютка и прибыла. Наверное, тоже от бабки наслушалась рассказов о богатстве. Вот и пожаловала в наши края золото старика искать.

– И как, получилось что-нибудь?

– Ничего она не нашла, – с удовлетворением произнесла старушка. – Да я как узнала, каким делом она у нас промышляет, прямо ей все в лицо сказала. Не ты, говорю, голубушка, будешь тем, кому посчастливится с этим делом разобраться. Езжай отсюда, пока голову здесь не сложила.

– Говорят, вы даже кричали на нее.

– Она мне возражать вздумала, вот я и осерчала. Вспыльчива бываю, есть за мной такой грех.

Это Катька хорошо понимала. Самой случалось вспылить, и не раз. Но сейчас Катюша торопливо перебаривала новости. Значит, получается, что у дяди Паши имеется конкурентка. Та самая красавица-брюнетка, которая утащила за собой Вована. Если только Катька верно поняла весь расклад и ее дядя тоже прибыл в Олеховщину не воздухом дышать, а за кладом своего деда.

Катьке почему-то казалось, что насчет дяди она все поняла правильно. Неспроста он привез Катьку за тридевять земель. Она здесь не кто-нибудь, а товарищ в поисках. А может, он уже знал, что родственники тоже пустились искать сокровища, и хотел подстраховаться? Все-таки вдвоем сподручней действовать против стороны конкурентов. Особенно если с этой стороны навалится целая толпа теток со своим могучим потомством.

Но каким местом со всей этой историей связан Вован? Он-то сроду в Олеховщине не бывал. Или бывал? Катька уже не знала, что и думать. Но как ни крути, приехал он сюда вместе с этой злючкой-колючкой, которая сначала одарила ее таким враждебным взглядом, а потом сбежала. Неожиданно Катьке стало грустно. Сбежать-то эта вредина сбежала, только не одна. Увела с собой Вована. А ведь он был почти что Катькиным женихом. Еще чуть-чуть, и на пальце у Катьки могло появиться обручальное колечко.

Однако долго кручиниться она не могла. За окном послышался голос дяди, громко выкликавший ее имя. Утомился дядя гулять среди могил и решил поискать племянницу. То, что ноги привели его именно к домику бабушки Афины, все сочли добрым предзнаменованием. Бабушка встретила дядю Пашу ласково, словно родного. Узнав, что он приходится сыном Антону Степановичу и внуком старому Степану-мельнику, и вовсе расчувствовалась.

– Отец ваш младшим у них в семье был. До него мать семерых девок родила. Восьмой бы девчонке знахаркой быть, да вот не случилось, мальчик у них родился. Отец в нем души не чаял. А оно видишь как обернулось. Убийством дело закончилось.

Дядя Паша промолчал. Неужели ему не интересно знать, кто убил и кого? Или он уже знает? Катька подозрительно покосилась на дядю, но тому хоть бы хны.

Старушка между тем продолжила расспрашивать гостя:

– А ты, соколик, за каким делом к нам прибыл?

– Навестить могилы близких хочу.

– Отец твой не здесь лежит.

– Знаю.

Дядин ответ прозвучал очень уверенно. Катя даже удивилась: откуда он так уверен, что его отец похоронен где-то в другом месте?

– Обошел весь погост – ни имени отца, ни имени деда не обнаружил.

– И дедову могилку ты не там ищешь, – добавила бабушка Афина. – Нет его на нашем кладбище. После убийства его тело следователи в район увезли. Следователь сказал, что сам оповестит дочерей. Да только дочери с тех пор нос сюда и не казали. Хотя что им здесь делать? Всего имущества после отца осталась одна избушка, да и та чужая.

Но, к Катинуму удивлению, дядя Паша явно не расположен был долго беседовать с бабушкой Афиной, свидетельницей жизни его отца и деда. Ему откровенно не терпелось уйти.

– Пошли, Катюха, – поторопил он племянницу. – Дело не ждет.

– Какое дело?

– Не при посторонних. Вставай, кому говорю.

И чуть не тычком поднял Катю на ноги.

Пришлось ей последовать за ним. Странное поведение, не правда ли? Всю дорогу дядя заливал Катю, как он мечтает найти человека, который рассказал бы об отце или другой родне, а когда такой человек нашелся и сидит перед ними, в здравом уме и трезвой памяти, да еще сам настроен пообщаться, дядя Паша тянет ее прочь.

Уходя, Катю оглянулась, чтобы попрощаться с гостеприимной бабушкой и попросить прощения за дядю. Повернулась и чуть не ахнула от изумления. Надо же, как быстро старушка успела перемениться. Только что была жизнерадостной и веселой, а теперь вся съежилась и побледнела, словно в одночасье из нее выпустили воздух.

– Бабушка, что с вами? Вам плохо?

Старушка покачала головой и горько пробормотала:

– Ох, Павел, Павел! Плохое ты задумал, соколик мой. – А Катю велела: – Береги его! Будь рядом. Одного никуда не отпускай. Иди, что застыла! Или не слышишь, как дядя тебя зовет?

Когда гости вышли из дома, бабушка повернулась к иконам в красном уголке и прошептала:

– Идите, соколики, идите. А я за вас молиться стану.

Она встала к иконам, потом опустилась на колени. Губы быстро, но бесшумно шевелились, лицо приняло торжественное и немного отрешенное выражение. Прежняя бледность его еще не до конца покинула, но жизнь понемногу возвращалась к старушке. И по мере того, как длилась молитва, крепчал и ее голос.

Между тем дядя тянул Катю чуть ли не волоком. Она оглянулась в поисках Мити, но тот исчез как по волшебству.

– погоди, дядя! Митя отстал!

Дядя даже не обернулся.

– Что? Какой Митя? – торопливо произнес он. – Ах, этот. Ничего, найдется.

– Дядя, куда ты так спешишь?

– погоди, Катюша, с расспросами, дело важное есть.

– Какое дело?

– Там расскажу. Пойдем скорее, ты мне нужна!

Пришлось ей почти бежать. Оказалось, что они снова шли в сторону кладбища. Хотя заходить за ограду на этот раз дядя не стал. Обогнул кладбище по периметру и свернул к лесу. Видно, когда-то здесь тоже жили люди. Самих построек уже не было видно, но фруктовый сад уцелел. На деревьях кое-где попадались крупные красные яблоки, и можно было только догадываться, какими богатыми когда-то были здешние сады.

– Зачем мы снова сюда пришли?

Катю испуганно огляделась. Дико, пустынно. Не ночь, не вечер даже, а темно. Солнце в этот момент зашло за тучу, небо помрачнело, с реки подул резкий холодный ветер. Совсем неподходящая погодка для прогулок. Но дядя вовсе не замечал, как все вокруг изменилось. Он смотрел на Катю и сиял.

– Катюха, я его нашел!

– Кого?

– Колодец! Старый заброшенный колодец! И я его нашел!

Теперь она за дядю испугалась всерьез.

– Зачем тебе колодец? Да еще старый и заброшенный?

– Ничего ты не понимаешь, Катюха. Не мне, нам с тобой! Понимаешь? Нам! – Дядя Паша возбужденно потер руки. – Я тебе сейчас все объясню. Присядь.

Он сам опустил на какой-то торчащий из земли камень и Катюку заставил устроиться рядом.

– Я ведь тебе, Катюха, всей правды сразу не сказал. Думаешь, откуда я об отце родном узнал?

– От бабушки.

– Да что я от нее мог узнать? Что его арестовали? Всю правду я узнал, когда отец сам со мной связался.

– Сам?

– Пусть не он, а его душеприказчик. Но это то же самое, как если бы отец сам меня разыскал.

– Погоди, так он жив?

– Кто, отец мой? Нет, конечно. Потому душеприказчик и понадобился.

Но грустил дядя недолго.

– Представляешь, Катюха, отец-то единственным сыном был у деда. А у самого отца за всю его жизнь всего двое наследников и появилось – я и твоя мама. Она-то померла, но ты осталась. Ты да я, а больше после моего отца и нет никого. Зато сестры его сверх всякой меры наследничков наплодили. Если там на всех золото деда делить, так и не останется ничего. Очень отец не хотел, чтобы это золото досталось его сестрам-пронырам. Специально на этом настаивал. И душеприказчик несколько раз повторил, чтобы мы не вздумали делиться ни с сестрами, если они живы, и с их потомством. Остерегаться их велел.

– Погоди. Хочешь сказать, что твой отец что-то тебе завещал?

– Все! Он завещал мне все! Все золото, что копилось в роду на протяжении многих поколений. И это все наше! Твое и мое. Отец хотел, чтобы его потомки могли воспользоваться этим золотом. Потому меня его душеприказчик и упробил в Олеховщину съездить. И ориентиры указал, по которым можно золото достать. Только ты да я, а больше чтобы никого к этим поискам не привлекать.

– А почему твой отец так против сестер настроен?

– Потому что стервы! Все семеро! Мало того что жадные, так еще и грех на них страшный.

– Но они имеют такое же право на золото, как мы с тобой.

– Нет, не имеют! Они в приданое уже достаточно получили, хватит с них. И потом, они отца погубили.

– Это ты о Степане-мельнике?

– Угу.

Катя покачала головой.

– А я другое слышала. Старого мельника погубил его же собственный сын – твой отец. Топором зарубил.

– Нет, отец не виноват! – горячо воскликнул дядя. – Его оболгали. Он мне все объяснил.

– Ага, значит, вы все-таки встречались?

– Душеприказчик объяснил. И письмо от отца передал. В этом письме отец все события последовательно излагает. Я тебе его дам почитать, но только потом.

– А почему не сейчас?

Катюше хотелось уже поскорей разобраться, кто убил прадеда. А то версий много, а толку от них пока мало.

Но дядя считал, что ей еще рано все знать.

– Письмо у меня не с собой, оно в вещах осталось в том доме, где мы ночевали. И потом, ты девушка у нас чувствительная, будешь читать – обрыдаешься. Даже я, пока читал, всплакнул пару раз. А ты мне сейчас нужна собранная и активная. Прочтешь в свое время.

– Смотри не забудь.

Катке было любопытно, как же ее дед сумел обойти щекотливый вопрос убийства своего отца. Кого он обвиняет в смерти старика-мельника? Если не он убивал, тогда кто? Неужели и правда дочери-злодейки? Всем гуртом навалились на старенького папеньку да и задавили старичка? А потом братца – отцова любимчика подставили. Что же, могло быть и такое. Но судить пока рано, надо все взвесить, изучить все улики, выслушать показания свидетелей.

Катя почувствовала, как дядя встал. Она проследила за ним глазами и увидела, что дядя вытаскивает из-под куста две лопаты, которые раздобыл, видимо, у строителей. Одну из лопат дядя взял себе, вторую протянул Кате.

– Держи!

– Зачем это? – растерялась девушка.

– Зачем? Не знаешь, для чего лопата? Ну, племянница, ты меня пугаешь. Копать будем, вот зачем!

Разумеется, Катка знала, для чего предназначается данный инструмент. Но она не понимала, что и где они станут копать. Но у дяди уже был на этот счет свой план. Он поманил Катку за собой, приговаривая:

– Мы с тобой находимся как раз на развалинах дома, который когда-то построил тот самый Степан мельник – мой дед, твой прадед. Видишь, какой сад огромный? Дед Степан отличный хозяйственник был. Здесь одних яблок по сотне возов снимали. А еще сливы, вишня, лещина. У деда в руках все спорилось. Каждая копейка прибыль начинала приносить. И через это, конечно, он у многих лентяев и лодырей зависть вызывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.